

ПАЛАНТИР
журнал
толкиновского общества
санкт-петербурга

№ 62
май 2011

: ի քօռքո :
: ի քոռ քօղյոռ
ԼՅՐՇՆ ԼՊՐՅՐՅՐ :

толкиновского общества
санкт-петербурга

No 62

maŭ 2011

: i ṛṭṭṛṇ : :

: ፤ ሦጠኛ ስፒገገጠፅ
እፅፍፅ፤ እጠፍፍፅ፡

В НОМЕРЕ :

Мачина Л. С. Еще один источник вдохновения автора «Властелина Колец»?	4
Мария Семенихина. Лингвистический юмор Толкина (на материале стихотворений цикла Adventures In Innatural History And Medieval Metres, Being The Freaks Of Fisiologus)	8
Арторон (Дмитрий Годкин). Толкин и кошки.	26
Хельги Липецкий. Потерянные биографии: Амдир Малгалад	37
Galadhorn. Толкин и его музыка. Перевод Екатерины Пережогойной	47

На последней странице: работа Моргул “Leithian’s Escape from the House in Hirilorn”
(Освобождение - Побег из дома в Хирилорне)

Palantir®

ПАЛАНТИР

№ 62 май 2011

ЖУРНАЛ

**ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Этот номер для вас делали:

Ари, Золтан Бардинг, Мария Семенихина, Моргул

Наш адрес: 197110 Россия, СПб, ул. Б.Зеленина 15-33

e-mail: zoltan@tolkien.ru barディング@mail.ru

Наш сайт: tolkien.spb.ru

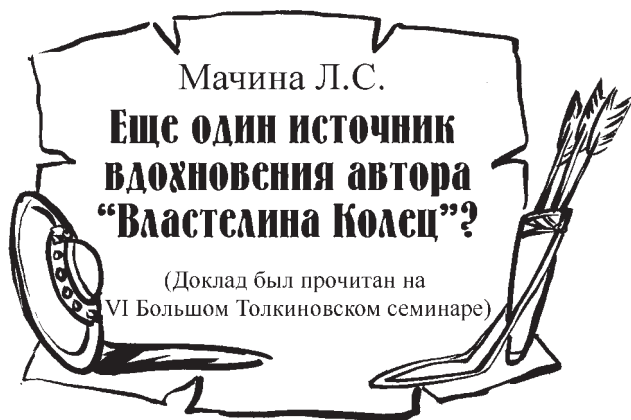
Copyright © 1997-2011 Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества Санкт-Петербурга запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правки в публикуемых материалах. Просим авторов соблюдать принятое в журнале оформление материалов, учитывая используемые шрифты и кегли, оформление сносок, иллюстраций и таблиц. Благодарим авторов за сотрудничество с журналом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей. Тираж - 100 экземпляров.

Редакция журнала благодарит автора использованных в издании шрифтов

Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниеля Стивена Смита.

Начиная свой доклад, я в первую очередь хотела бы сказать, что он не претендует на академическую строгость и глубину, не ставит он целью и опровержение неких основ толкинистики. Он призван доставить удовольствие тем, кто, как и я, наслаждается красотой совпадений, кому нравится подмечать, как «причудливо тасуется колода» (по выражению Булгакова).

Как правило, говоря о литературных предшественниках Толкина и о вдохновлявших его книгах, исследователи вспоминают «возвышенные», классические образцы: эпос о рыцарях Круглого Стола, «Старшую Эдду», «Сагу о Вёльсунгах» (и германо-скандинавскую мифологию в целом) и даже Библию, а из более близких по времени – У. Блейка, Дж. Макферсона, У. Морриса и Дж. Макдональда. Но, как я полагаю, есть вероятность, что на творчество Толкина повлияли и иные произведения, которые пуристы могут отнести к «низким жанрам»: приключенческие книги, «масскульт» времен детства и отрочества Профессора. В своем докладе я хотела бы обратить ваше внимание на параллели между «Властелином Колец» и книгой «Копи царя Соломона» Генри Райдера Хаггарда.

Был ли Толкин знаком с этим произведением? Прямых свидетельств нет. Но в «Биографии» Толкина, написанной Карпентером, мы читаем: «В часы, свободные от занятий, мать в изобилии снабжала его детскими книжками... «Остров сокровищ» ему не понравился, так же, как сказки Андерсена и «Крысолов из Гамельна». А вот книжки про индейцев он любил и мечтал научиться стрелять из лука». И тут мы можем сделать предположение (достаточно правдоподобное), что, прочтя «Дочь Монтесумы» (книгу, и по сей день считающуюся классикой жанра «про индейцев»), юный Толкин обратил внимание и на другие произведения Хаггарда и не прошел мимо «Копей царя Соломона». Книга эта была впервые опубликована в 1885 году, сразу стала популярной в Британской империи – мальчик, родившийся в 1892 году, вполне мог прочитать ее. А прочтя – отложить в копилку памяти и ее сюжет, и ее героев: возможно, они, наряду с многими другими, послужили пищей для воображения автора «Властелина колец». Внимательно сопоставив оба произведения, можно увидеть ряд интересных совпадений.

Во-первых, это совпадения композиционные и сюжетные. Движущей силой сюжета в обоих случаях служит quest – что любопытно, в обоих же случаях бескорыстный: Фродо должен не

заполучить драгоценность, а избавиться от нее, а Алан Квотермейн и его спутники должны найти пропавшего соотечественника (то, что они находят и сокровища Соломона – это, как мы теперь выражаемся, приятный бонус). В обеих книгах интрига завязывается вокруг древнего сокровища. Обе книги представлены авторами как воспоминания героев: Бильбо и Фродо в одном случае, Алана Квотермейна в другом.

В обеих книгах описано воцарение законного короля, по поры до времени скрытого под скромным обличем. И Толкин, и Хаггард разворачивают рассказ медленно, не скупясь на побочные ответвления от главного ствола сюжета, что придает повествованию объем: Вековечный лес, встреча с Бомбадиллом и Могильники можно было бы назвать «лишними» эпизодами, как и рассказ Квотермейна про охоту на слонов, но без них дух места и времени в обеих книгах стал бы беднее. То же и с финалом – в обоих случаях он многоступенчатый. Повествование сходит на нет не сразу, сюжет отпускает героев и читателя постепенно. Перечислим «ступеньки» во «Властелине колец»: уничтожение Кольца – Кормалленское поле – коронация Арагорна – отъезд из Гондора – очищение Шира – отплытие Фродо и возвращение Сэма. У Хаггарда: воцарение законного короля Игнози – обретение сокровищ и спасение из пещер – прощание со страной кукуанов – встреча с братом сэра Генри – отплытие в Англию.

Во-вторых, перекликаются образы героев обеих книг. Начнем с тройки англичан. Сэр Генри Куртиса многое роднит с Гэндальфом. Как и Гэндальф, именно он является инициатором квеста, без него герои не отправились бы в путь. Он как никто поддержал законного короля Игнози на его пути к престолу – во-первых, помог выиграть войну, во-вторых, в единоборстве победил короля-узурпатора. Даже для своих соотечественников, не говоря уже об африканцах, он является существом высшего порядка, они смотрят на него снизу вверх, признавая за ним редкую нравственную силу. Он играет роль старшего, наставника, отца: то есть вдохновляет, утешает, разрешает споры, одаривает милостями. У него внушительная внешность (богатырское сложение, густая борода, правильные черты лица, большие, глубоко сидящие серые глаза), он непобедим в бою. Его спутники – Алан Квотермейн и капитан Гуд – напоминают хоббитов. Оба они – подчеркнуто типичные англичане, но совершенно разного толка. Если очень сильно упрощать, в сознании многих читателей четверка хоббитов распадается на пары: героическую (Фродо и Сэм) и комическую (Мэрри и Пиппин). Квотермейна можно сопоставить с первой парой. Повествование ведется от его имени, он много раз упоминает о своей трусости и нелюбви к приключениям – но его поступки столь же часто опровергают эти слова. Он серьезен и немногословен, его рассуждения полны горькой мудрости. Капитан Гуд, напротив, воплощает собой комическую ипостась: он любит покушать и поговорить о еде, он до смешного тщательно заботится о своей внешности, с ним часто случаются забавные и нелепые происшествия – то он случайно сядет на дикую лошадь, то его прекрасные белые ноги станут предметом поклонения туземных девушек, и т.д. и т.п. Но, несмотря на это, Гуд – верный друг, держит слово и никогда не теряет присутствия духа.

Наш следующий герой – законный король кукуанов Игнози, он же Амбопа. Посмотрим, чем он похож на своего белого собрата Арагорна. Как он появляется в книге? Сам находит англичан, побеспокоив их во время трапезы, и настойчиво предлагает себя в качестве спутника и слуги. При этом он хорошо осведомлен о том, куда собираются идти белые люди, и это их настораживает:

«Зачем тебе нужно знать, куда мы идем? Какое тебе дело? - ответил я, глядя на него с недоверием, так как цель нашего путешествия мы решили хранить в глубокой тайне».

«Этот туземец настолько отличался от обыкновенных зулусов и его предложение идти с нами без вознаграждения было настолько странно, что не могло не вызвать у меня подозрения» - так говорит Квотермейн. В то же время он чувствует в своем собеседнике человека особой судьбы: «Он держался с необычайным достоинством, и в нем чувствовалось какое-то внутреннее благородство». По дороге в страну кукуанов, то есть в свое королевство, Амбопа, который до поры до времени скрывает свое истинное имя и происхождение, разгоняет уныние спутников песнями – их содержание, конечно, далеко от песни о Берене и Лутиэн, но они служат той же цели: на душе у всех становится светлее. «Амбопа был веселым малым. Правда, иногда у него бывали периоды мрачного настроения, но в остальное время ему была свойственна удивительная способность поддерживать в людях бодрость, причем он сам никогда не терял чувства собственного достоинства. Все мы очень полюбили его» - пишет Квотермейн чуть далее, хотя и продолжает называть Амбопу «странным человеком» и время от времени настороженно относиться к его таинственным словам и поступкам. Сравним со словами Фродо об Арагорне: «Я его по-настоящему полюбил... хотя он, конечно же, странный человек, а временами казался нам просто зловещим».

Сам Амбопа говорит о себе: «Жилища моего племени находятся далеко на севере... У меня нет крааля. Я скитаюсь много лет». А вот слова Арагорна: «У меня за плечами долгая жизнь... Я видел немало далеких стран, где светят незнакомые и чужие нам звезды... Но своей родиной я считаю север». В разговоре с Эомером он упоминает, что «не единожды бывал я в ваших краях и бился с вашими врагами – правда, под другим именем, в другом обличье». Похожий эпизод был и в жизни Амбопы, он же Игнози: Квотермейн вспоминает, что раньше они уже встречались: «Во время несчастной войны с зулусами... он командовал отрядом туземцев, сражавшихся на нашей стороне. В разговоре он высказал свои сомнения относительно безопасности нашего лагеря. Тогда я ему предложил попридержать язык, так как это было не его ума дело, но впоследствии я не раз вспоминал его слова».

Вкратце упомянем, что, конечно же, Игнози – очень высок и красив суровой красотой; он великий воин, справедливый и милостивый король.

А что же отрицательные герои? В стране кукуанов наши путники встречают злобную старуху Гагулу, считающуюся великой колдуньей. Внешность ее весьма напоминает Горлума: высохшее от бесчисленных прожитых лет тело и огромные горящие глаза. Никто – даже самые древние старики – не помнит ее молодой. Сама она говорит о делах трехсотлетней давности: «Однажды, давным-давно, одна женщина показала этот тайник белому человеку - и что же? Горе пало на его голову! Ее тоже звали Гагулой. Может быть, это была я? - Ты лжешь! - сказал я [Квотермейн]. - После того прошло десять поколений. - Может быть, может быть. Когда живешь так долго, забываешь». Годы Гагулы, по мнению ее соплеменников, продлила ее неугасимая злоба. Годы Горлума – Кольцо, воплощение силы Зла. Гагула ненавидит наших героев и постоянно ищет случая погубить их. Когда ее просят показать путь к тайнику, а затем угрожают копьем, она умоляет о милости: «Только дай мне жить! Позволь мне греться на солнце и иметь кусок мяса, чтобы его сосать, и я все тебе покажу».

Сравним: «Не надо насс убивать! Не надо колоть насс сскверным холодным железом.

Дайте нам еще немного пожить, совсем немножечко».

Гагула приводит англичан к тайнику в пещерах, а сама незаметно высказывает наружу, чтобы закрыть единственный выход и обречь своих недругов на мучительную смерть: пусть и не от паучьего яда, а от жажды и голода.

Говоря о Гагуле, нельзя не упомянуть одну деталь, которая перекидывает мостик уже к «Хоббиту». Приведя англичан в сокровищницу и собираясь совершить свой предательский поступок, Гагула говорит:

«Вот они, эти ярые камни, которые вы так любите, белые люди! Их тут много, берите сколько пожелаете, любуйтесь ими, запускайте в них свои руки! Ешьте их! Хи! Хи! Пейте их! Ха! Ха!».

Сравним эти слова со словами глашатая Эсгарота после неудачных переговоров с Торином: «Мы... оставим тебя с твоим золотом. Ешь его, если хочешь».

По тексту «Копей царя Соломона» раскидано немало и отдельных деталей, также лежащих в канву моего доклада. Так, врачуя раны англичан после битвы, туземная девушка Фулата принесла «...какое-то лекарство из растертых листьев с очень приятным запахом, которое значительно облегчило наши страдания». Сразу вспоминаются Палаты врачевания и ацелас.

Другой эпизод: после тяжелого перехода через горы наши герои попадают в прекрасную и плодородную страну: «Наконец мы дошли до обширной рощи, через которую извивалась наша дорога, и увидели, что там растут деревья с серебряной листвой, очень похожие на те, которые встречаются на склоне Столовой горы у Кейптауна». Помимо ассоциаций с мэллорнами Лориэна благодаря упоминанию Кейптауна возникает предположение, что эти серебристые деревья выращены обоими авторами из одного южноафриканского корня: ведь Хаггард проработал долгие годы в тех же краях, где Толкин провел свое раннее детство.

Еще один эпизод: зажившие было раны Алана Квотермейна снова открываются, причем ежегодно и в то же самое время. Клинок назгула напоминал Фродо о себе шестого октября каждый год – до отплытия на Запад.

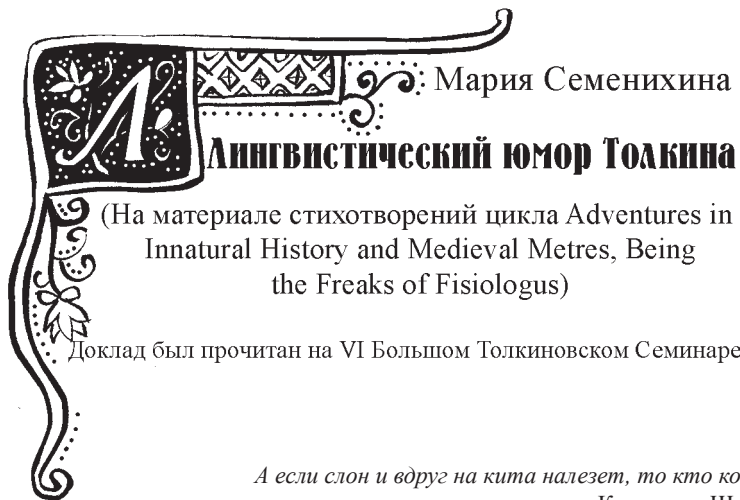
Отдавая дань классической структуре докладов, должно сделать выводы. Конечно, я ничего не доказала в точности – вероятно, все это лишь совпадения. Как говорил Профессор, «оба кольца круглые», да и все кольца круглые, по большому счету. Но все же я верю – и, возможно, смогу передать кому-то из вас эту уверенность, – что Толкин читал Хаггарда и что прочитанное отразилось в тексте «Властелина Колец». Разумеется, речь идет не о сознательном заимствовании, а о силе детских впечатлений, под невольным влиянием которых всю жизнь находятся все люди – и Профессор не исключение.

Литература

Карпентер Х. Джон Р.Р. Толкин. Биография. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

Хаггард Г.Р. Копи царя Соломона. Прекрасная Маргарет. – М.: Совэкспорткнига, 1991.

А если слон и вдруг на кита налезет, то кто кого соберет?
«Кондуит и Швамбрания»

Обыденное сознание, не обремененное научной этикой, безошибочно прочитывает параллель до конца, радостно узнавая в ней типичную своей извечной воспроизводимостью формулу заборной надписи «Пушкин – козел».

Е.В. Хворостьянова

Поэтическое наследие Толкина до сих пор остается мало изученным; в особенности это касается такой его части, как абсурдистская и юмористическая поэзия. Вместе с тем юмор Толкина отличается своей особой «филологической» спецификой, близкой, как это ни парадоксально, поэтике постмодернизма. При этом в данных текстах трудно провести границу между «юмористическим» и «не-юмористическим»: одно и то же стихотворение в нескольких редакциях может превращаться из шуточного в серьезное. Также, несмотря на то, что большинство данных текстов создавалось как «несредиземские», некоторые из них (в более поздней обработке) вошли в состав текстов о Средиземье (например, в текст ВК или в стихотворения из цикла «Приключения Тома Бомбадила»).

В статье рассматриваются два стихотворения – *Fastitocalon* и *Iumbo, or, Ye Kind of Ye Oliphant*, опубликованных в 1927 г в оксфордском журнале *Stapeldon Magazine* в составе юмористического цикла *Adventures in Unnatural History and Medieval Metres: being The Freaks of Fisiologus* (букв. – «Приключения в области неестественной истории и средневековой метрики, или Причуды Физиолога») Более поздние редакции этих стихотворений широко известны по циклу «Приключения Тома Бомбадила», однако исходные тексты, особенно второй из них, имеют мало общего с этими версиями.

«Физиолог» – это сборник, ставший образцом для многочисленных бестиариев, о свойствах реальных и легендарных животных, камней и деревьев. Каждая статья (всего их 49) двухчастна: в первой содержится описание животного и его повадок, во второй —

морализаторское символично-аллегорическое толкование в духе христианского вероучения. Возникновение «Физиолога» относят к II—III вв. и связывают его с греческой эллинистической (александрийской) традицией. Источниками «Физиолога» были античные мифы, библейские сказания, в том числе апокрифические. В Средние века «Физиолог» был очень популярен, как в Византии, так и на Западе (через посредство латинских переводов), причем считался «низовой», массовой литературой. Строго говоря, существует как минимум 3 греческих сочинения под названием «Физиолог»: древнейший (т.н. александрийская редакция), составленный в первые века христианства (как правило, когда говорят о «Физиологе» как памятнике, имеют в виду данный текст); византийский (V – VI вв. н.э.) и самый поздний, приписываемый Василию Великому (хотя написан не ранее X – XI вв.).

Около 400 г.н.э. «Физиолог» был переведен на латинский язык; в V в. – на эфиопский, армянский, сирийский. Церковный писатель Епифаний Кипрский использовал материалы «Физиолога» при написании своего «Панариона» (букв. «аптечка с противоядиями») – сочинения против ересей, и, судя по цитатам из «Физиолога» в трудах отцов церкви более позднего времени, это было одно из наиболее известных позднеантичных христианских сочинений, хотя судьба «Физиолога» на Западе складывалась поначалу не слишком удачно (так, папа Геласий в 494 г. внес «Физиолог» в список запретных книг, однако уже папа Григорий Великий этот запрет снял и сам активно использовал цитаты из «Физиолога»). В VII в. Исидор Севильский использовал материалы «Физиолога» и бестиариев для составления XII тома своего энциклопедического сочинения «Этимологии» (*Originum seu Etymologiarum libri XX*).

В Средние века существовало множество переводов и переделок «Физиолога». В XI в. аббат монастыря Монте-Кассино (по другим версиям – английский книжник) Теобальд переложил 11 статей «Физиолога» (о льве, орле, змее, муравье, олене, лисице, ките, слоне, горлице, сирене и пантере) латинскими стихами (гексаметром, сапфической строфой, элегическим дистихом и т.д.), добавив 12-ю, отсутствующую в древнейшем греческом тексте (о пауке). Стихи, как отмечают исследователи (например, А. Рэнделл), получились довольно посредственные, однако, видимо, для Теобальда стихотворная форма имела скорее мнемотехническое, чем собственно-эстетическое, значение. На материале «Физиолога» были написаны такие средневековые трактаты, как *Tractatus de bestiis et aliis rebus* (приписываемый Гуго Сен-Викторскому – впрочем, это уже скорее бестиарий) и *Speculum naturale* Винсента из Бовэ. В XI – XII в. было сделано несколько переводов «Физиолога» на немецкий язык; а еще раньше, в IX (ориентировочно) веке «Физиолог» был (по крайней мере, частично) переведен на древнеанглийский язык стихами (и фрагменты этого текста входят в знаменитый Эксетерский кодекс). В середине XIII в. появился еще один английский стихотворный перевод «Физиолога» (точнее, перевод стихотворного латинского текста Теобальда), причем язык этого перевода представляет собой переходную форму от древнеанглийского к среднеанглийскому. Как отмечает один из издателей этого английского перевода, Р. Моррис, «*Scraps from the Bestiary with its curious moralizations are frequently to be met with in our old English authors, and even in Elizabethan writers*» [отрывки из Бестиария с его забавным морализаторством часто можно встретить у наших древнеанглийских авторов и даже у писателей-елизаветинцев]. В

доказательство этого он приводит цитату из Чосера: *...and Chaunteclere so free Sang merier than the mermayde in the see; For Physiologus seith sikerly, How that thay singen wel and merily* (и Шантеклер пел веселее, чем сирены в море – ибо Физиолог сообщает, как они хорошо и весело поют) (*Old English Miscellany*, pp. VII - VIII).

Примерно в это же время появляется исландский перевод «Физиолога» (который, впрочем, специалисты также относят скорее к бестиариям, то есть средневековым естественнонаучным аллегорическим сочинениям, напоминающим «Физиолог», но не совпадающим с ним в составе статей или трактовке того или иного сюжета). Старофранцузские прозаические и стихотворные версии (Филиппа Танского, Гийома Нормандского и т.д.) также являются бестиариями.

Часто источником «физиологических» стихов Толкина называют кодекс X в. *Exeter Book*, в состав которого входят три древнеанглийских стихотворения, являющиеся переводами идущих подряд глав «Физиолога» (скорее всего, оригинал их был не греческий, а латинский) – «Пантера», «Кит» и «Куропатка». Познакомиться с данным текстом (вероятно, в издании «Эксетерского кодекса» Бенджамина Торпе 1842 года) Толкин мог еще в студенчестве. Однако точно известно, что в 1914 году Толкин брал в библиотеке Эксетер-колледжа вышепротитированный «Сборник древнеанглийских текстов, содержащий Бестиарий, Кентские проповеди, Притчи короля Альфреда, Религиозные поэмы XIII века», изданный Р. Моррисом в 1872 году, в состав которого (с. 1-26) входит перевод латинского «Физиолога» Теобальда. Вероятно, Толкина сначала заинтересовали языковые особенности опубликованных в этой книге памятников, однако и содержание некоторых текстов не оставило его равнодушным.

Только одно животное является общим для стихотворений Толкина и древнеанглийских поэм IX в. – а именно тот самый кит, он же фаститокалон, он же аспидохелона. Расположение частей в толкиновском стихотворении о ките отличается от их порядка в *Exeter book*, но совпадает с порядком в оригинальном тексте «Физиолога» и в переводе XIII в. Сюжеты двух других толкиновских стихотворений – о слоне и лисице – восходят к переводу Теобальда XIII в. Существует забавная отсылка в самом стихотворении Толкина о слоне к тексту XIII в.: оно начинается словами *The Indic oliphaunt's a burly lump, A moving mountain, a majestic mammal...* В то время как текст стихотворения о слоне из перевода XIII в. начинается словами *Elpes arn in Inde riche, on bodi borlic berges ilike* (Слоны изобильно водятся в Индии, телом мощные, горам подобные), с параллельным переводом издателя на современный английский:

Elephants are found in India, and have burly bodies. Слово *burly* (*borlic*) (большой, плотный, здоровый, сильный) фигурирует во всех трех процитированных фрагментах.

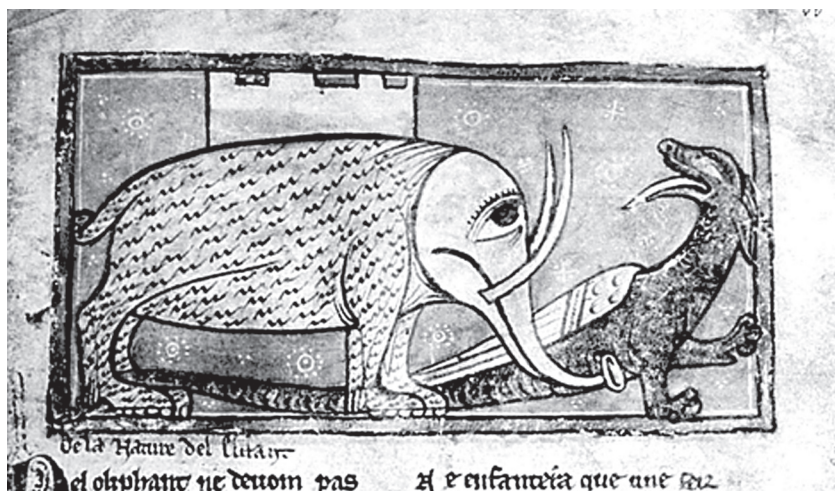
Последнее стихотворение цикла – о единороге – не связано ни с одним из двух упомянутых нами древнеанглийских переводов, хотя статья о единороге присутствует и в греческих, и в латинских версиях текста «Физиолога».

На стилизацию под перевод XIII в. указывают латинские подзаголовки к стихотворениям Толкина

– *Natura Iumbonis* и *Natura Fastitocalonis*, по аналогии с заголовками типа *Natura Leonis* (о природе льва) или *Natura Cervi* (о природе оленя) в вышеуказанном переводе, а также предпослание морали (серьезной в настоящем бестиарии и шуточной у Толкина) заголовок *Significacio* (значение). С точки зрения классической латыни правильнее, конечно, *significatio*, но стилизация есть стилизация, в том числе и под средневековую латынь. Слово *Iumbo* (Джумбо) – обычная для того времени кличка слона в цирке или зоопарке – здесь получает вид латинского существительного третьего склонения (как *Plato* – Р.п. *Platonis*).

Тексты стихотворений Толкина о лисице и единороге до сих пор не опубликованы, но с учетом соответствующих сюжетов из «Физиолога» и бестиариев их содержание становится достаточно предсказуемым. Так, в стихотворении о лисице с большой долей вероятности можно предположить версию на тему рассказа о том, что лиса, когда охотится, притворяется мертвой, а в стихотворении о единороге – о том, что на него охотятся при помощи непорочной девушки, которая способна его укротить. Лисицу (точнее, лиса) в стихотворении зовут Регинхард (фр. вариант – Ренар, нем. – Райнхард); имя, стандартное для лисы в средневековой литературе (как имя Тибо – для кота, а Изенгрим – для волка). Здесь можно предположить и скрытую отсылку к изданию средневекового животного эпоса «Райнхарт-лис» (*Reinhart Fuchs*) 1834 года, в предисловии к которому издатель – Якоб Гримм – излагает теорию происхождения животного эпоса, в свое время оказавшую существенное влияние на литературоведение и фольклористику.

Если сравнить тексты глав «Физиолога» с текстами стихотворений Толкина, то можно увидеть, что многие мотивы из статей «Физиолога» в стихотворениях Толкина откровенно переворачиваются «с ног на голову» и подвергаются травестированию. Причем это касается не только религиозной морали исходного текста, которая в стихотворениях Толкина подменяется

Слон убивает змею (миниатюра из рукописи бестиария XIII в.)

абсурдными выводами в стиле «не стойте и не прыгайте, не пойте, не пляшите там, где идет строительство или подвешен груз» либо юмористическими замечаниями, связанными с университетской субкультурой (как в более поздних «Песнях для филологов»), либо с критикой некоторых черт современного быта (что можно наблюдать, например, в стихотворениях о Бимбл-тауне, написанных в это же время).

Так, в стихотворении о слоне травируется утверждение «Физиолога» о том, что слон – животное по природе асексуальное, и, чтобы завести потомство, слон и слониха должны съесть плод мандрагорового дерева (намек на плод с древа познания добра и зла, которые съели Адам и Ева):

«Есть животное на горе, называемое слон. У этого животного нет страсти к соитию. И если хочет иметь детей, идет на восток, недалеко от рая. Там есть дерево, называемое мандрагоровым. И идет вместе с самкой и самец. И самка отвеживает первой от дерева, и дает своему мужу, и играет с ним, пока и он не отвежает. Съев, самец тотчас соединяется с самкой, и она принимает во чреве. И когда время приходит ей родить, идет в пруд водный до тех пор, пока вода не дойдет до сосков ее. И так рождает дитя свое в воде. И приходит к сосцам матери и сосет. Слон же охраняет ее, рождающую, от змеи, потому что враг змея слону. И когда он находит змею, то топчет ногами и убивает ее»

У Толкина асексуальность слона подменяется его принципиальным трезвенничеством, а употребление сломом мандрагоры в целях продолжения рода – пагубным пристрастием к наркотикам:

...for Mohammed's law He loves, and though he has the thirst of three, His vast interior he fills with tea. Not thus do water-drinkers vice escape, And weighty authors state that privily He takes a drug, more deadly than the grape, Compared with which cocaine's a harmless jape. The dark mandragora's unwholesome root He chews with relish secret and unholy, Despising other pharmaceutic loot (As terebinth, athanasie, or moly). Those diabolic juices coursing slowly Do fill his sluggish veins with sudden madness, Changing his grave and simple nature wholly To a lamb titanic capering in gladness, A brobdingnagian basilisk in badness.

[... ибо он любит закон Магомета, и, хотя способен пить за троих, наполняет свою пространную утробу чаем. Однако и водохлебы не избегают греха, и знаменитые авторы утверждают, что втайне слон употребляет снадобье, более погубительное, чем вино, по сравнению с которым кокаин – невинная шалость. Вредоносный корень черной мандрагоры жует он с тайным и нечестивым наслаждением, отвергая другие целебные травы, как то терпентин, атанасию или моли. Дьявольские соки, медленно текущие по его венам, наполняют его внезапным безумием, преображая это простое и тяжеловесное от природы создание в титанического ягненка, скачущего от радости, в пагубного василиска-великана]

Замена «секса» «алкоголем» в тексте стихотворения перекликается с письмом Толкина К.С. Льюису о брошюре последнего «Христианский брак», написанным почти 20 лет

спустя. В авторском примечании к нему Толкин называет христианский брак *«the correct way of sexual temperance - in fact probably the best way of getting the most satisfying sexual pleasure, as alcoholic temperance is the best way of enjoying beer and wine»* [подобавший метод сексуальной воздержанности; и, по сути дела, наверное, лучший способ получения наиболее полного сексуального наслаждения, точно так же, как воздержанность в употреблении алкоголя — лучший способ наслаждаться пивом и вином (пер. С. Лихачевой)].

Говоря о мандрагоре, Толкин употребляет не современное английское слово *mandrake*, а устаревшее *mandragora*; ср. перевод XIII в.: *til he noten of a gres, de name is mandragores* [пока он не найдет траву под названием мандрагора].

Интересно, что Толкин снабжает своего разбушевавшегося персонажа эпитетом *brobdingnagian*, взятым из Дж. Свифта (*Brobdingnag* – страна великанов, куда попадает Гулливер во время своего второго путешествия). Но видимо, для Толкина здесь была важна не отсылка к Свифту, а собственно фоностилистика, так как само слово звучит достаточно выразительно – одновременно грозно и неуклюже, что очень подходит для изображения одурманенного наркотиками слона.

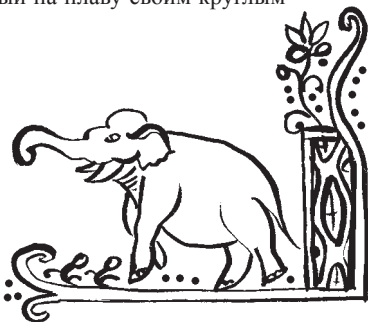
Утверждение «Физиолога» о том, что слониха рождает детенышей, стоя в воде (ассоциация с Евой, родившей Каина «на дурных водах»), а самец в это время охраняет ее от змей, у Толкина подменяется страхом слона упасть от слабости после окончания действия наркотика.

Then frightful fear amid his exaltation
Awakes within him lest he tumble flat,
For apparatus none for levitation
Has he, who falling down must feebly bat
The air with legs inadequate and fat.
Then does he haste, if he can coax his limbs,
To some deep silent water or dark pool
(Where no reptilian mugger lurks or swims)
And there he stands – no! not his brow to cool,
But thinking that he cannot fall;
the fool, Buoyed by his belly adipose and round...

[Но жуткий страх пробуждается в нем посреди его веселья, что он упадет, ибо никакого приспособления для подъема не имеет он, и, падая, может только бессильно дрыгать в воздухе своими толстыми и неуклюжими ногами. Тогда спешит он, ежели еще способен волочить ноги, к какому-нибудь глубокому тихому водоему или темному пруду, где не таится и не плавает никакой пресмыкающийся негодяй, и стоит там – нет, не затем, чтоб охладить свое чело, но думая, что так не сможет упасть - глупец, поддерживаемый на плаву своим круглым и жирным брюхом].

Змеи, враги слонов по «Физиологу», заменяются здесь на абстрактных *reptilian muggers* – «пресмыкающихся негодяев», что в сознании читателей вызывает ассоциации скорее с более «реалистическими» крокодилами.

Сюжет же о том, что слон, упав, не способен подняться, и что спит он, прислонясь к какому-нибудь

*Маленький слон поднимает упавшего собрата
Миниатюра из рукописи бестиария XIII в.*

дереву, чем пользуются охотники на слонов, взят Толкином из «Физиолога» (точнее, из перевода XIII в.) практически без изменений, за исключением концовки этой статьи, имеющей глубокий символический смысл, но у современного читателя могущей вызвать только улыбку (а у русского читателя – и нежелательные ассоциации со сказкой про репку):

«Особенность же слона такова: когда упадет, не может встать, ибо не имеет суставов в своих коленях. Как же падает он? Когда хочет спать, то, прислонившись к дереву, спит, Индийцы [по другим спискам – охотники] же, зная об этом свойстве слона, идут и подпиливают дерево немного. Приходит слон, чтобы прислониться, и, как только приблизится к дереву, падает дерево вместе с ним. Упав же, не может встать. И начинает плакать и кричать. И слышит другой слон, и приходит помочь ему, но не может поднять упавшего. Тогда оба кричат, и приходит другие двенадцать, но и они не могут поднять упавшего. Тогда кричат все вместе. После всех приходит маленький слон, подкладывает свой хобот под слона и поднимает его»

...dat ge ne falle nider nogt, /dat is most in hire dogt, /For he ne hauen no lid/ dat he mugen risen wid./ Hu he rested him dis der, /danne he walked wide, /herkne wu it telled her,/ for he is al unride. /A tre he seked to suligewis, /dat is strong and stedefast is, /and lened him trostl[i]ke der-bi, /danne he is of walke weri./ de hunte hued biholden dis, / de him wille swiken, /wor his beste wune is, /to don hise willen; /Saged dis tre and under-set, / o de wise dat he mai bet, /and hiled it wel dat he it nes war, /danne he maked der-to char, /him seluen sit olon, bihalt, /weder his gin him out biwalt!

/danne cumed dis elp unride, /and lened him up on his side, /sleped bi de tre in de sadue, /and fallen boden so to-gaddre; /gef der is noman danne he falled, /he remed and helpe called, /remed reufulike on his wise, /hoped he sal durg helpe risen... /For here mikle renting /rennande cumed a gungling, /rade to him luted, / his snute him under puted, /and mitte helpe of hem alle /dis elp he reisen on stalle/ and tus atbrested is huntens breid, /ode wise dat ic haue gu feid (перевод XIII в).

[Они очень заботятся о том, чтобы не упасть, так как не могут подняться самостоятельно. Когда слон хочет отдохнуть, он находит крепкое дерево и опирается на него. Охотник замечает излюбленное место этого зверя и подпиливает дерево, и смотрит, чем это кончится. Когда слон приходит и прислоняется к дереву, они оба падают. Слон громко зовет на помощь, и многие из его стада пытаются вызволить его из беды, но напрасно. Тогда они поднимают крик, подобный звукам рога, и приходит «детеныш» (*gungling*), и помогает взрослому слону встать, подсунув под него свое «рыло» (*snute*), и этим спасает его из западни охотника]

Упавший слон символизирует павшего человека, большие слоны – Моисея и 12 пророков, а маленький слон – Христа, «умалившегося» ради спасения людей.

У Толкина просто констатируется факт падения слона в результате охотничьих хитростей и его последующая гибель:

When tired at last, as tame as any sheep Or jaded nag, he longs for sweet repose, In Ind a tree, whose roots like serpents creep, Of girth gigantic opportunely grows, Whereon to lean his weary bulk and doze. Thus will his dreams not end in sudden jerk, He thinks. What hopes! For hunters all to well Acquainted with his little habits lurk Beneath the Upus' shade; a nasty sell For Oliphas they plan, his funeral knell. With saws they wellnigh sever all the bole, Then cunning prop it, that he may not tell, Until thereto he trusts his weight, poor soul – It all gives way and lands him in a hole.

[Когда, выбившись из сил, кроткий, как овечка или заезженная кляча, он жаждет сладкого отдохновения – дерева на Инде, с корнями, извивающимися, подобно змеям, гигантского в объёме, на которое можно спокойно опереться своей истомленной тушей и подремать – так что, как полагает слон, его сон не прервется от внезапного удара (об землю). Увы, надежды тщетны. Ибо охотники, хорошо знакомые с его мелкими привычками, таятся в засаде в тени анчара – гнусную ловушку готовят они Олифаунту, смертельное коленопреклонение. Они почти перепиливают ствол, затем хитро подпирают его, так чтобы подпила не было видно, и слон-бедолага доверяет свой вес этому стволу – который падает и приводит слона в весьма затруднительное положение]

Символическая история о грехопадении и спасении человечества, зашифрованная в статье «Физиолога» о слоне (причем в тексте XIII в. и тексте греческого оригинала особых расхождений нет), у Толкина снижается, травестируется и превращается в образец студенческого фольклора в стиле песен вагантов, с их восхвалением вина и веселых пирушек.

The doctrine that these mournful facts propound Needs scarcely pointing, yet we cannot

blink The fact that some still follow base Mahound, Though Christian people universally think That water neat is hardly fit to drink. Not music nor fat feeding make a feast But wine, and plenty of it. Good men wink At fun and frolic (though too well policed) When mildly canned or innocently greased; But those whose frenzy's root is drugs not drink Should promptly be suppressed and popped in clink.

[Урок, который вытекает из данных прискорбных фактов, едва ли нуждается в разъяснении, однако мы не можем упускать из виду, что кое-кто все еще следует презренному учению Магомета, хотя христиане обычно полагают, что чистая вода едва ли пригодна для питья. Празднество создается не музыкой и не угощением, но вином, причем в изрядных количествах. Добрые люди склонны снисходительно относиться к веселью и радости (хотя и в разумных пределах), слегка сбрызнутому или невинно орошенному; однако те, кто одурманивает себя не питьем, а наркотиками, должны быть немедленно схвачены и помещены в клинику]

Декадентское увлечение наркотиками противопоставляется таким исконным студенческим добродетелям, как любовь к выпивке и веселью, и измена этому неписаному кодексу университетской чести имплицитно приравнивается, ни много ни мало, к служению дьяволу. Можно в этой связи вспомнить последний куплет *Gaudeamus*'a: *Pereat diabolus, Quivis antiburschius*.... (Да погибнет дьявол – тот, кто против студентов). Однако нерушимой остается основная метафора «Физиолога»: слон – это символ согрешившего, «отпавшего от благодати» и погубленного своими грехами человека. Причем Толкин со своим героем поступает даже суровее, чем анонимный александрийский автор, не давая ему никаких шансов на спасение.

Такому же снижению и травестированию, переводу христианского символизма в бытовую (если не сказать – обывательскую) плоскость, подвергается история о ките. Правильнее было бы сказать, что это все же не совсем кит, а чудовище под названием *аспидохелона* (букв. – «змея-черепаха»); в тексте XIII в. она названа *cethegrande* (старофранц. «великий кит»), тогда как слово *fastitocalon* отсылает нас именно к Эксетерскому кодексу. Под понятие «кит» (*cetus*) в церковнославянском и греческом языках подпадает практически любое крупное морское животное; чаще всего под «китом» имеется в виду даже не известное млекопитающее, а фантастическое чудовище; в греческом «Физиологе» фигурирует еще один «кит» – *тила*, что-то вроде рыбы-парусника.

В исходном тексте «Физиолога» аспидохелона (это слово в греческом языке – женского рода) уподобляется коварной женщине, своими чарами губящей мужчин (однако в качестве примера праведников, избегших адских козней, упоминаются почему-то добродетельные женщины):

«Соломон в Притчах советует, наставляя и говоря: «Не внимай злой женщине. Ибо мед каплет из уст женщины-блудницы, которая на время умащает твою гортань, впоследствии, однако, горче желчи найдешь и острее меча обоюдо-острого. Ноги неразумия низводят общающихся с нею по смерти в ад».

Есть в море чудовище, называемое аспидохелоной, имеющее два свойства. Первое его свойство таково: когда оно голодно, открывает свою пасть и из пасти его исходит благоухание. Обоняют это малые рыбы и вваливаются в его пасть, и чудовище проглатывает их. Большие же взрослые рыбы не приближаются к морскому чудовищу. Взрослой рыбе подобен Иов, Моисей, Иеремия, Исайя и весь лик пророков. Так избегла Юдифь Олоферна, Есфирь Артаксеркса, Сусанна старцев...»

Однако в древнеанглийской поэме (и в стихотворении XIII в.) какие бы то ни было упоминания о женщинах (грешных или праведных) в связи с китом отсутствуют. Отсутствуют они и у Толкина. Стихотворение начинается с констатации факта феноменальной жирности Фаститокалона.

Old Fastitocalon is fat: His grease the most stupendous vat, If He perchance were boiled, Or tank or reservoir would fill, Or make of margarine a hill, Or keep the wheels well oiled That squeak On all the carts beneath the sun, Or brew emulsion in a tun For those whose chests are weak!

[Старина Фаститокалон жирен: его жир – если бы его однажды случайно сварили – наполнил бы самый огромный чан, бак или цистерну, или вышла бы из него целая гора маргарина, или же можно было бы смазать скрипучие колеса у всех повозок под солнцем, или сделать бочку лекарства для всех, кто слаб грудью]

Слово *fastitocalon* созвучно слову *fast* (пост); таким образом, Толкин строит нечто вроде оксюморона: животное, которое носит «постное» имя, оказывается весьма и весьма «скромным», в чем проявляется его лживая природа.

В игру слов оказывается вовлеченным и другой персонаж цикла – слон: *The Indica oliphaunt's a burly lump, A moving mountain, a majestic mammal (But those that fancy that he wears a hump Confuse him incorrectly with the camel).* [Индийский слон – изрядная глыба, подвижная гора, грандиозное млекопитающее, но те, кто думают, что у него есть горб, путают его с верблюдом] Абсурдное на первый взгляд упоминание о верблюде отсылает читателя к древнеанглийскому наименованию верблюда – *olfend*, которое этимологически родственно слову *oliphaunt* (а заодно и готскому *ulbandus*, от которого произошло русское слово «верблюд»). Кстати, слово *oliphaunt* – старофранцузское, а не древнеанглийское (на древнеанглийском слон называется куда скромнее – *elp, ylþ*). Также выражение *moving mountain* – «движущаяся гора» – хотя и является применительно к слону

Аспидохелона топит корабль
(миниатюра из латинского bestiaria)

метафорой весьма стертой, может отсылать читателя к Исидору Севильскому, который этимологизирует латинское наименование слона следующим образом: *Elephantum Graeci a magnitudine corporis vocatum putant, quod formam montis praeferat; Graece enim mons λόφος dicitur*. (Греки полагают, что слон – *elephas* – назван так благодаря величине своего тела, которое формой напоминает гору; ибо по-гречески гора называется *lophos*). В тексте XIII в. слон также уподобляется горе: *Elpes arn in Inde riche, on bodi borlic berges ilike*. Возможно, и метафора *a lamb titanic capering in gladness*, относящаяся к захмелевшему слону, также отсылает к прецедентному тексту, в котором говорится о горах – а конкретно к псалму 113 (стих 4): «Горы прыгали, как овны, и холмы, как агнцы».

В «Физиологе» (а также в древнеанглийской поэме) одно из отличительных свойств кита-фаститокалона – то, что, когда он голоден, он открывает рот и испускает удивительный аромат, который привлекает рыб. В поисках источника запаха любопытные рыбы заплывают к нему в пасть, и он их глотает.

«Есть в море чудовище, называемое аспидохелоной, имеющее два свойства. Первое его свойство таково: когда оно голодно, открывает свою пасть и из пасти его исходит благоухание. Обоняют это малые рыбы и вваливаются в его пасть, и чудовище проглатывает их. Большие же взрослые рыбы не приближаются к морскому чудовищу» (Физиолог).

... He hafað opre gecynd./ wæterþisa wlonc, wrætlcran gien./ Þonne hine on holme hunger bysgað, /and þone aglæcan ætes lystef./ ðonne se merewearð muð ontyneð./ wide weleras; cymed wynsum stenc/ of his innoþe, þætte opre þurh þone./ sæfisca cynn, beswicen weorðap./ Swimmað sundhwate þær se swéta stenc/ ut gewiteð. Hi þær in farað, /unware weorude, opþæt se wida ceaff/ gefýlled bið; þonne færinga/ ymbe þá herehúþe hlemmeð tógædre/ grimme góman... (*Exeter book*)

[Сей гордый пенитель моря имеет еще одну и куда более удивительную черту. Когда голод одолевает его на глубине, и чудовище алчет пищи, сей обитатель моря открывает рот и раздвигает губы; из его утробы исходит чудесный аромат, который приманивает другие виды рыб. Они быстро сплываются на сладкий запах, и забираются внутрь, легковверное племя, пока широкая китовая глотка не наполнится; затем в одно мгновение он захлопывает свои яростные челюсти вместе с кишасей добычей]

Cethegrande is a fis / ðe moste ðat in water is; / ðat tu wulde seien get, /gef ðu it so ge wan it net,/ ðat it were a neilond/ ðat sete one ðe se sond./ ðis fis ðat is unride,/ ðanne him hungred he gape's wide, /ut of his drote it smit an onde./ ðe swetteste ðing ðat is o londe;/ ðer-fore odre fisses to him dragen,/ wan he it felen he aren fagen./ he cumen and houen in his muð,/ of his swike he arn uncud;/ ðis cete ðanne hise chaueles hike's,/ ðise fisses alle in fake's,/ ðe smale he wile ðus biswiken,/ ðe grete maig he nogt bigripen (перевод XIII в).

[Кит – величайшая из всех рыб. Он выглядит как остров, когда он плывет. Когда он голоден, он разевает пасть и оттуда исходит сладкий аромат, привлекающий множество рыб к нему в пасть. Когда кит закрывает челюсти, он засасывает всех этих рыб. Но он пожирает только мелких рыб, больших он поймать не может].

Возможно, не случайно статье о ките в «Физиологе» предшествует статья о пантере, которая тоже издает необыкновенный аромат, привлекающий животных, однако направлен он не на зло, а на добро (эта пантера совсем не хищная и является символом Христа). В греческом тексте (и тексте XIII в.), правда, говорится, что на эту уловку поддаются только юные и неопытные рыбы (символ людей, нестойких в вере), а взрослые и опытные (истинные праведники) избегают кита (символ дьявола).

У Толкина кит приманивает наивных обитателей моря не запахом, а скорее музыкой:

He wallows on a bed of slime In the Ocean's deep and weedy clime; As merry organs roll,
So snores He solemn sweet and loud, And thither tumble in a crowd The sardine, and the sole So
flat, And all the little foolish fry Who pry about with goggle eye, The skipper and the sprat In glee
Approach the portals of His jaws; What feast or frolic be the cause They enter in to see. Alas: they
come not ever thence; The joke is all at their expense, As is the dinner too...

[Он нежится на постели из ила в поросшей водорослями глубине океана и храпит торжественно, сладкозвучно и громко, словно играет веселый орган. И к нему собираются толпой сардины, плоские камбалы, и всякая прочая глупая рыба мелочь, которая шныряет около с выпученными глазами – кильки и шпроты – с ликованием приближается к порталу его челюстей. Они хотят узнать, что там за праздник или веселье. Увы, обратно они никогда не выходят: и веселье, и обед оказываются за их счет]

Эпизод о рыбах из текста о Фаститокалоне, вошедшего в «Приключения Тома Бомбадила», был устранин; эпизоды же о морях в обоих текстах в целом схожи и совпадают с греческим и древнеанглийскими текстами:

He, floating on the inky sea, A sunny island seems to be, Although a trifle bare. Conniving
gulls there strut and prink, Their job it is to tip the wink, If any one lands there with kettle To make a
picnic tea, or get Relief from sickness or the wet, Or some, perhaps, to settle. Ah! foolish folk, who
land on Him, And patent stoves proceed to trim, Or make incautious fires To dry your clothes or warm
a limb, Who dance or prance about the glim – 'Tis just what He desires. He grins. And when He feels
the heat He dives Down to the deeps: you lose your lives Cut off amid your sins (текст 1927 года)

[Он, плывя по чернильно-черному морю, кажется солнечным островом, хотя малость голым. На нем важно прохаживаются чайки, чистя перья. Их дело – подать знак, если кто-нибудь высадится здесь с чайником устроить пикник, или отдохнуть от качки и сырости, или, возможно, даже поселиться. Ах, глупцы, что на него высаживаются и начинают топить печки

или разводить по неосторожности огонь, чтобы просушить одежду или погреть руки и ноги, а также скажут и пляшут по нему – этого-то он и хочет! Он ухмыляется, и, почувствовав жар, ныряет в глубину, и вы расстанетесь с жизнью, что обрывается посреди грехов ваших]

Look, there is Fastitocalon! An island good to land upon, Although 'tis rather bare. Come, leave the sea! And let us run, Or dance, or lie down in the sun! See, gulls are sitting there! Beware! Gulls do not sink. There they may sit, or strut and prink: Their part is to tip the wink, If anyone should dare Upon that isle to settle, Or only for a while to get Relief from sickness or the wet, Or maybe boil a kettle. Ah! Foolish folk who land on HIM, And little fires proceed to trim And hope perhaps for tea! It maybe that his shell is thick, And floats now in the sea With guile; And when he hears their tapping feet, Or faintly feels the sudden heat, With smile HE dives, And promptly turning upside-down He tips them off, and deep they drown, And lose their silly lives To their surprise («Приключения Тома Бомбадила»)

[Смотрите, вот Фаститокалон! Неплохой остров для высадки, хотя и довольно голый. Идите сюда, покиньте море! И давайте бегать, плясать и загорать! Смотрите, там сидят чайки! Осторожно, чайки не тонут. Они могут там сидеть или прохаживаться и чистить перья. Их задача – подать знак, если кто-нибудь осмелится поселиться на этом острове, или всего лишь ненадолго отдохнуть от качки и сырости, или, возможно, вскипятить чайник. Ах, глупцы, что на НЕГО высаживаются или разводят костерки и надеются попить чайку! Возможно, панцирь у него и толстый, но плывет он по морю со злым умыслом. И когда он слышит топот ног или едва почувствует внезапный жар, ОН с улыбкой ныряет и, проворно перевернувшись, сбрасывает их, и они тонут в глубине и губят свои глупые жизни, к собственному удивлению]

Ср.: «Другое свойство чудовища: оно огромно, как остров. Не зная, мореходы привязывают свои корабли к нему, как к острову, и якоря, и колки корабельные втыкают. На поверхности же чудовища зажигают огонь, чтобы сварить себе что-то. И когда нагреется, погружается в глубину, и корабли погружает.

И ты тоже, если свяжешь себя упованием на дьявола, погрузит он тебя вместе с собою в геенну огненную. Хорошо говорит Физиолог об аспидохелоне» («Физиолог»)

Is þæs hiw gelic hreofum stane /swylce worie bi wædes ofre /sondbeorgum ymbseald, særyrica mæst, /swa þæt wenap wægþipende /þæt hy on ealond sum eagam wliten; /and þonne gehydiað heahstefn scipu / to þam unlonde oncyrrapum, /sæ laþ sæmearas sundes æt ende, //and þonne in þæt eglond up gewitað /collenferhþe; ceolas stondað /bi staþe fæste / streame biwunden. / Ðonne gewiciað / werigferhðe, faroðlacende, / frecnes ne wenað. /On þam ealonde/ æled weccað, / heah fyr ælað. / Hæleþ beoþ on wynnum, / reonigmode, / ræste gelýste. / Þonne gefeleð / facnes cræftig / þæt him þa ferend on / fæste wuniaþ, / wic weardiað, / wedres on luste, / ðonne semninga / on sealtne wæg / mid þa noþe / niþer gewiteþ, / garsecges gæst, / grund geseced, /and þonne in deaðsele / drence bifæsteð/ scipu mid scealcum... (*Exeter book*)

[Его внешний вид подобен грубому валуну, словно у берега качается большой ком

морских водорослей, засыпанный песчаными дюнами, так что моряки думают, что они видят остров, и причаливают канатами свои корабли с высокой кормой к этому ложному острову, привязывают своих морских коней, и, дерзновенные сердцем, забираются на остров. Корабли стоят у берега, окруженные водой. Усталые моряки разбивают лагерь, не думая об опасности. На острове они разводят огонь, разжигают высокое пламя. Упавшие духом герои, жаждущие отдыха, пылают радостью. Но как только хитрый интриган понимает, что моряки устроились на нем надежно или даже желают на нем поселиться, сей гость океана ныряет без предупреждения в соленые волны вместе со своими жертвами, и отправляется на дно, и топит и корабли, и людей в бездне погибели]

de sipes dat am on se fordriuen, / loð hem is ded, and lef to linen, / biloken hem and sen dis fis, / an eilond he wenen it is, / ðer-of he aren swiðe fagen, / and mid here migt ðar-to he dragen, /sipes on festen, /and alle up gangen; /Of ston mid stel in de tunder/ wel to brennen one ðis wunder, /warmen hem wel and heten and drinken; / de fir he feled and doð hem sinken, / for sone he diued dun to grunde, /he droped hem alle wid-uten wunde... (перевод XIII в)

[Моряки, видя его, по ошибке принимают его за остров, и высаживаются на него. Чтобы согреться, они разжигают огонь. Кит, чувствуя жар, ныряет на дно моря и топит их всех]

В тексте стихотворения Толкина 1927 года между двумя описаниями свойств кита фигурирует своеобразный переход: полакомившись своей излишне любопытной аудиторией, кит дожидается шторма и всплывает на поверхность (чтобы сделать очередную гадость – на сей раз подшутить над доверчивыми моряками):

Yet are there times of storm and strife, When equinoctial gales are rife, And there is much ado down there. He finds the depths devoid of rest, Then up He comes and on His chest Floats in the upper air.

[Но когда приходит пора бури и шторма, когда в дни равноденствия обычная непогода, и там внизу беспокойно, он находит, что в глубине не отдохнуть, и всплывает, и на груди плывет по поверхности]

Ни греческий “Физиолог”, ни древнеанглийский текст такого перехода не имеют, однако в тексте XIII в. он есть:

...dis fis wuned wid de se grund,/ and liued der eure heil and sund,/ til it cumed de time /dat storm stired al de se,/ danne sumer and winter winnen; /ne mai it wunen der-inne,/ So droui is te sees grund,/ ne mai he wunen der dat stund,/ oc stired up and houed stille...

[Кит обитает на глубине, и лежит там

на дне, пока не приходит пора, когда буря всколеблет все море, и тогда он поднимается на поверхность].

В тексте 1927 года «религиозная» стилистика более заметна (герои, например, не просто гибнут, но гибнут «во грехах своих»: *you lose your lives Cut off amid your sins*). Однако поучительная история о любопытных рыбах и неосторожных моряках, которые гибнут, доверившись злокозненному киту, у Толкина превращается в филиппику против неприятных соседей, одни из которых имеют обыкновение совать свой нос в чужие дела, а другие посреди ночи или с утра пораньше пляшут под джаз (в общем, как в известной песне Пугачевой про «эй вы там наверху»). «*This mighty monster teaches us That trespassing is dangerous, And perils lurk in wait For curious folk who peep in doors Of other folk, or dance on floors Too early or too late with jazz...*»

Таким образом, история про кита становится иллюстрацией к пословице «Мой дом – моя крепость»: и рыбы, и моряки страдают из-за того, что посягают на чужое privacy (лезут кому не надо в рот или разводят костры у кого не надо на спине... впрочем, фаститокалон на таких и охотится). Похоже, автор даже слегка жалеет, что он не фаститокалон и не может таким же образом поступить с докучливыми соседями. Кроме того, здесь содержится скрытый выпад против современной Толкину массовой культуры: тот самый джаз, под который пляшут уподобленные рыбам несознательные соседи, приравнивается к звукам, которые издает фаститокалон, чтобы одурачить свою потенциальную добычу (*That many noises loud and strong Are neither music nor a song But only just a band*) – то есть к козням дьявола. Конечно, это уподобление шуточное, однако известно, насколько щепетил и консервативен был Толкин в своих музыкальных пристрастиях.

Можно сказать, что данные стихотворения – это пародия скорее в средневековом, чем в современном понимании. При этом понять всю ее соль способен только подготовленный читатель, знакомый с прецедентным текстом.

Из средств создания комического в данных текстах отмечается также широкое использование анахронизмов (так, слон использует свой хобот как пылесос или резиновый шланг, пьет чай, а моряки устраивают на спине кита пикник тоже с питьем чая). Однако этот прием употребляется здесь, скорее всего, не только и не столько для создания комического эффекта. Толкин не столько пародирует бестиарий, сколько пишет собственный современный бестиарий (и идет по тому же пути, по какому шли английские переводчики X и XIII вв., вставляя в текст, созданный в эпоху поздней античности, средневековые понятия и представления, а также реалии собственной культуры; так, корабли, на которых неосторожные моряки пристают к киту, приняв его за остров, в Эксетерском кодексе названы обычным древнеанглийским кеннингом «морские кони» - *sæmearas*).

Гораздо более забавны мелкие и не очень случаи издевательства молодого филолога над «старшими по званию», которых в тексте можно найти тоже немало. Так, стихотворение про слона – судя по всему, изысканная пародия на издание текста древнеанглийского «Физиолога» (из Эксетерского кодекса) (*The Old English Physiologus*), предпринятое в 1921

г. двумя профессорами Йельского университета – Э. С. Куком и Дж. Х. Питменом. Издание это интересно тем, что почтенные ученые мужи включили в него собственный стихотворный перевод древнеанглийского текста, сделанный «шекспировским» пятистопным ямбом без рифмы, тем самым (вольно или невольно) перенеся произведения древнеанглийской литературы в совершенно иной контекст. Вот так, например, в их переводе выглядит начало стихотворения о фаститокалоне:

Now will I spur again my wit, and use
Poetic skill to weave words into song,
Telling of one among the race of fish,
The great asp-turtle. Men who sail the sea
Often unwillingly encounter him,
Dread preyer on mankind. His name we know,
The ocean-swimmer, Fastitocalon.
Dun, like rough stone in color, as he floats
He seems a heaving bank of reedy grass
Along the shore, with rolling dunes behind,
So that sea-wanderers deem their gaze has found
An island. Boldly then their high-prowed ships
They moor with cables to that shore, a land
That is no land...

К тому же Кук в предисловии к данному изданию в качестве иллюстрации того, насколько популярен был «Физиолог» в Средние века и эпоху Возрождения, приводит цитату из «Королевы фей» Э. Спенсера (XVI в.), в которой пересказывается сюжет о старом орле, омывающемся в море, чтобы снова стать молодым. Стихотворение же Толкина о слоне, помимо того, что выдержано в напыщенной стилистике ренессансной поэзии, еще и написано чем-то наподобие спенсеровой строфы. Правда, на спенсерову та строфа, которой написано стихотворение о слоне, похожа не полностью: у спенсеровой строфы последняя строка длиннее прочих на 1 стопу (все строки написаны 5-стопным ямбом, а последняя – 6-стопным), чего мы не видим у Толкина. Тип же рифмовки (ABABBCBCC) сохраняется.

At last she saw, where he upstart **brave**
Out of the well, wherein he drenched **lay**;
As Eagle fresh out of the Ocean **wave**,
Where he hath left his plumes all hoary **gray**,
And deckt himselfe with feathers youthly **gay**,
Like Eyas hauke up mounts unto the **skies**,
His newly budded pineons to **assay**,
And marveiles at himselfe, still as he **flies**:
So new this new-borne knight to battell new did **rise**.
(*The Faerie Queene*) (та самая цитата)

Ср.

The Indic oliphaunt's a burly **lump**,
A moving mountain, a majestic **mammal**
(But those that fancy that he wears a **hump**
Confuse him incorrectly with the **camel**).
His pendulous ears they flap about like **flannel**;
He trails a supple elongated **nose**
That twixt his tusks of pearly-white **enamel**
Performs the functions of a rubber **hose**
Or vacuum cleaner as his needs **impose**...

Таким образом, Толкин отсылает «проницательного» читателя к изданию Кука и скрыто посмеивается над последним. Возможно, смеется Толкин и над тем же «проницательным» читателем, не позволяя ему безоговорочно признать данное стихотворение стилизацией под Ренессанс (это ненастоящая спенсеров строфа, а значит, и вся стилизация – «ненастоящая»; точнее, это и не стилизация под Ренессанс, а пародия на не слишком добросовестных издателей). Этим можно объяснить подзаголовок цикла: «приключения в области средневековой метрики».

В стихотворении о ките, напротив, нет никаких (по крайней мере, известных мне) намеков на средневековую или ренессансную метрику. Оно непохоже ни на древнеанглийский аллитерационный стих, ни на гекзаметр, которым написаны стихотворения Теобальда (точнее, стихотворение о ките написано элегическим дистихом – модификацией гекзаметра), ни на тот (довольно корявый, на взгляд современного читателя) рифмованный стих, которым написан перевод XIII в. Таким образом, обманщик-фаститокалон и здесь проявляет свою насквозь фальшивую природу: стихотворение о нем НЕ НАПИСАНО средневековым метром. (Что с него взять, на то он и фаститокалон)

Более позднее редактирование автором данных текстов (при включении их в текст ВК и в «Приключения Тома Бомбадила») направлено в основном именно на устранение черт «лингвистического юмора», что объясняется особенностями нового – «средиземского» - контекста, в который оказываются вписанными данные стихотворения. Более того, они теряют свою «бестиарность» (это просто рассказы о необычных животных, почти безо всякой морали; слон – это слон, и он даже получает право говорить сам за себя, а фаститокалон – это фаститокалон, и мораль из истории с ним одна: не зная броду, не суйтесь в воду во всех смыслах). Кстати, интересно, что если с олифаунтами (мумакками) жители Средиземья встречаются, – более того, это «стандартные» для средневековой западноевропейской иконографии боевые слоны с башнями на спинах - то ни один фаститокалон не попадается на пути ни Эарендиллю, ни другим мореплавателям (видимо, с такими героями, как Туор или Эарендиль, фаститокалонам связываться опасно, поэтому они и стараются держаться на расстоянии). Великий кит Уин и другие киты из окружения Ульмо-Ильмира на фаститокалона совсем не похожи.

В стихотворении о слоне из «Приключений Тома Бомбадила» содержится еще одна отсылка к Эксетерскому кодексу – на сей раз к его знаменитым загадкам. Чаще всего явление, предмет или существо, загаданное в этих загадках, говорит о себе от первого лица (причем иной раз весьма фривольно). Стихотворение о слоне из «Тома Бомбадила» - своего рода «переходное звено» между bestiарием и загадкой.

В стихотворении же о фаститокалоне также содержится скрытая отсылка к Эксетерскому кодексу: та самая *middle-earth*, на которой автор советует разумным людям проводить свое время вместо того, чтобы мотаться по морям и искать приключений на свою голову – это не только Средиземье как отдельный мир, но и просто перевод на современный английский слова *middan-geard* (земля, свет, мир); это самое слово появляется в первой строчке первого стихотворения из древнеанглийского «Физиолога» (о пантере): *Monge sindon geond middangeard /unrimu cynn...* (велико и неисчислимо множество народов в мире...).

Толкин «смеющийся», Толкин – пародист и сатирик, автор поэзии нонсенса – образ несколько непривычный, однако этот аспект творчества Профессора не стоит недооценивать. Хотя образцов толкиновских текстов подобного рода известно не так много, они играют достаточно важную роль в понимании как личности самого Профессора, так и истории текстов о Средиземье.

Литература

Druce G.C. *The Elephant in Medieval Legend and Art*// Journal of the Royal Archaeological Institute. -Volume 76. – London, 1919

Old English Miscellany containing a Bestiary, Kentish Sermons, Proverbs of Alfred, Religious Poems of the Thirteenth Century, From Manuscripts in the British Museum, Bodleian Library, Jesus College Library, etc. - Edited... by the Rev. R. Morris, LL.D. - London, 1872

Physiologus: A Metrical Bestiary of Twelve Chapters by Bishop Theobald. – Translated by Alan Wood Rendell. – London, 1928

The Old English Physiologus: Text and Prose Translation by A.S. Cook. Verse translation by J.H. Pitman. - New Haven: Yale University Press. - London: Humphrey Milford. - Oxford University Press. – 1921.

Карнеев А. *Материалы и заметки по литературной истории Физиолога.* – СПб., 1890.

Физиолог: Издание подготовила Е.И. Ванеева. – СПб.: Наука (Серия «Литературные памятники»), 2002.

Тема доклада – «кошачьи» мотивы в творчестве Толкина и место кошки в бестиарии Арды. Этот вопрос тесно связан с проблемой толкиновского юмора и мистификаций.

Что нам известно о кошках в Средиземье? Чаще всего читатель Толкина вспоминает три момента: свита королевы Берутиэль, вражий прислужник Тевильдо и, наконец, «фауна Мордора»: так Толкин назвал сиамских кошек в одном из писем. Напрашивается вывод: «Конечно же, Профессор кошек не любил и превратил их во вражьи приспешников».

Однако Толкин написал о кошках гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Кошкам посвящены три стихотворения, одна загадка, несколько рисунков. В том или ином качестве эти зверьки проникли во многие произведения, и те беглые наброски подчас никак не вписываются в образ «зловещей твари».

На это указал Жан-Родольф Турлен, автор статьи «Кошки в трудах Толкина» (1) (насколько мне известно, единственная серьезная работа, целиком посвященная этой теме (2)). По мнению французского толкиниста, у профессорской кошки есть две ипостаси, и отрицательный ее образ существует рядом с весьма позитивным. Как полагает Турлен, Толкин любил кошек, но был связан неблагоприятной традицией; кроме того, кошки (якобы) отсутствуют в европейских мифах и их (якобы) не любят католики (оставим это на совести французского толкиниста). Однако у Турлена не хватает фактов, чтобы представить Профессора любителем кошек. На наш взгляд, француз проглядел один очень важный мотив, который сквозит почти в каждом «кошачьем» пассаже у Толкина: филологическая игра, своеобразный юмор и страсть к мистификациям.

EERINESS

Откроют наш обзор три очень ранних рисунка из книги В. Хэммонда и К. Скалл, «Толкин. Художник и иллюстратор» (3).

Ночь. Темная дорога. Черные деревья вдоль обочины протянули костлявые лапы-ветви к похожей на волшебника фигуре, под ногами у человека круг света, на спине – пятно в виде черной кошки. Этот рисунок мы приняли бы за иллюстрацию к «Властелину Колец», если б не дата – январь 1914 г., задолго до всяких хуорнов и Саруманов. Внизу – заглавие: «Eeriness», «Мистическая жуть» (очень редкое слово, более известно прилагательное eery, eerie).

На самом деле это всего лишь переделка иллюстрации Кипплинга к «Кошке, которая гуляет сама по себе» (4). И кошку, и аллею Толкин перерисовал довольно точно, только добавил фигурку мага и превратил день в ночь – восприятие рисунка радикально переменялось! Через один или два дня с той же иллюстрации Кипплинга

на другой рисунок перекочевали грибы – правда, у Толкина эти грибочки выросли до размера деревьев (5). Так что совпадение можно исключить. Но зачем было ретушировать Кипплинга под мистическую жуть? Быть может, Толкин, как фокусник, нас дурачит: мы думали, магия, оказалось – всего лишь кошка, которая гуляет сама по себе. Картина с двойным дном? Ребус с неожиданной разгадкой? Ясно одно – это художественная игра.

На ином рисунке, «Светская жизнь в Джипси Грин», запечатлены сцены из жизни Толкинов на съемной квартире в 1918 году. Эдит Толкин так играет на пианино, что две хозяйские кошки встали на задние лапы и пустились в пляс (6). Такая добрая шутка.

Еще один жутковатый, inferнальный рисунок – “Wickedness”, или «Злодейство» – также принадлежит к раннему творчеству. Интрига такова: есть ли на изображении кошки? По Хэммонду и Скалл, на занавесе нарисованы летучие мыши (7), по Дж. Д. Ратлиффу

– мордочки сиамских кошек (8). Изображения похожи и на кошек, и на мышей. По моей гипотезе, Толкин мог намеренно загадать загадку. Ведь и в других его работах кошки соседствуют с летучими мышами! Слова ‘cat’ и ‘bat’ Толкин срифмовал дважды: в «Балладе об Аотру и Итрун» и в «Роверандоме».

В балладе кошки и летучие мыши принадлежат к окружению злой колдуньи. При первой встрече герой «Роверандома» облаял своего крылатого тезку, Ровера: «ты ж на собаку не похож, ты похож на кошку или летучую мышь» (“more like a cat or a bat than a dog”). В Роверандоме можно найти не только летучую собаку и мышь, но даже летучую кошку. «Как огромная крылатая кошка» кричит чайка Мью (в английском языке «чайка» и кошачье «мяу» – омонимы, “mew”).

В одном доме с Ровером жила Тинка, большая черная кошка. Когда Ровер был превращен в мелкую игрушку, он испугался, что Тинка примет его за мышь и съест: собачке было не смешно. Во сне у Ровера мир снова перевернулся: щенок грезит «о костях и кошках». Он загоняет на сливовые деревья кошек, а те превращаются в «волшебников с зелеными шляпами» (то есть в колдуна Артаксеркса, который и сделал Ровера маленьким) и кидаются в щенка сливами «величиной с кабачок» (опять изменение масштаба). Кстати другое значение слова “magrow” («кабачок») – костный мозг (вспомним, что Ровер грезит «о кошках и о костях»). Вскоре заклятье Артаксеркса ослабевает, и Ровер превращается из игрушки в миниатюрную собачку. Но он не желает возвращаться домой: «в таком виде ему меньше всего хочется, чтобы его узнала Тинка». Наверное, с кошкой у него сложные отношения!

На первый взгляд, Тинка – персонаж отрицательный. Героя чуть не съела, ассоциируется со злым магом (опять – связь кошек с колдунами!), и имя у нее говорящее, Tinker («шалун»); наверное, это слово было хорошо знакомо аудитории – детям Толкина. Но «шалун» – это все же не настоящий злодей; как в тексте указано, Ровера-игрушку кошка могла бы съесть *по неведению*. Собака, съеденная кошкой, в наши дни, наверное, получила бы премию Дарвина, так что Тинка – не просто антагонист щенка, но *забавный* антагонист. Она одна не поверила рассказам о приключениях Ровера! Но мы-то знаем, что Тинка права! Случайно ли вся сказка завершается словами – «Завистливая кошка!» (“Jealous cat!”)? Кажется, с ее помощью рассказчик делает изящный намек на то, что приключения Ровера – только сказка. Оказывается, толкиновская кошка способна не только создать мистификацию, но и «развалить» ее...

Тинка – загадочная личность: упоминается вскользь, прямо не показана. Как полагают Хэммонд и Скалл, она, возможно, изображена вместе с Ровером на иллюстрации к «Роверандому» (9). Думается, здесь толкиноведы ошиблись: эта крошечная фигурка больше похожа на черного поросенка...

Теперь перейдем к кошкам Арды!

С князем Тевильдо, его котами и замком связана масса анекдотических моментов: перечислять – доклада не хватит. Чего стоит Тинувиэль, дергающая кота за хвост (котом был Берен), Берен-посудомойка в кошачьем замке, который угодил в плен, разыскивая объедки в покинутом лагере орков... Замок котов скорее забавен, чем страшен.

Тевильдо, как ни странно – один из самых безобидных слуг Врага. Его дело – добывать мясо к столу Мелько. Из текста «Сказания о Тинувиэль» не понять, какой ущерб от котов несут эльфы и люди. Единственный акт кошачьей жестокости, если умолчать о царапинах Берена, направлен против другого кота. Сравним Тевильдо с Сауроном, который унаследовал его место в сюжете, и почувствуем разницу.

Строго говоря, Тевильдо котом-то не был. Это злой дух в обличье зверя. С помощью заклатья Мелько ему удалось подчинить и возвеличить настоящих котов. Когда же он потерял заклатье, гигантская кошка... уменьшилась до размера кошки. Она оказалась дутой величиной.

Тогда Мелько проклял и изгнал Тевильдо со всеми котами. Поэтому кошка больше не служит Врагу, она – сама по себе. Однако в голосах несчастных животных «лишь тьма, и нет доброты». Эльфы и кошки друг друга не любят.

Однако Тевильдо вернулся к Мелько, который был побежден Тулкасом и заточен в Лумби (что это такое, один Толкин знает) под охраной пса Мандоса по имени Горгумот. Тевильдо долго грыз оковы Мелько и освободил хозяина. Как он решил проблему сторожевого пса, история умалчивает. Возможно, сперва перегрыз Горгумота, потом оковы. Быть может, это две несовместимые версии (LT2:278, 281). Все это не очень похоже на поведение кота – побежать за Мелько как собачка, разделить с ним камеру и несколько сот лет что-то грызть. Однако все это лишь торопливые наброски (именно в этой главе «Утраченных Сказаний» Мелько забирается на сосну). Кроме того, из Тевильдо такой же кот, как из Саурана волк: на самом деле они духи.

Так или иначе, Тевильдо исчез без следа: Толкин целиком отверг эту концепцию. Во всех текстах после «Утраченных Сказаний» место котов занимают волки. Вся эта история похожа на грандиозный апокриф, черпать из нее информацию опасно. Нам неизвестно, как относились к кошкам эльфы из мира «Сильмариллиона».

Итак, Князь Котов – персонаж апокрифический и анекдотический. С его именем связаны прелюбопытные аллюзии, ибо во второй, машинописной, версии «Сказания о Тинувиэль» он носит имя Тиберт (Tiberth). Кот Тиберт (Tibert) – фигура сатирическая, как и другие персонажи «Романа о Лисе». Этот средневековый цикл был широко распространен во многих странах Европы. Прозаический пересказ «Романа о Лисе», написанный Уильямом Кекстоном, стал одной из первых отпечатанных в Англии книг. В хитрости кот Тиберт соперничал с лисом Рейнардом, хотя и был побежден. По наущению лиса, кот полез во двор к священнику, чтобы поохотиться за вкусными мышами, и попал в капкан, для лиса предназначенный. Тиберт был избит до полусмерти, и все-таки ему удалось спастись, нанеся священнику не очень приличное телесное повреждение (10). Другой «двойник» толкиновского Тевильдо – это бретер Тибальт

из «Ромео и Джульетты». Титул Тевильдо, “Prince of Cats” («Князь котов»), придумал не Толкин, а Шекспир. Из-за сходства имен Тибальда и кота Тиберта персонаж получил такое прозвище и подвергается насмешкам: небольшая комическая черта у трагического персонажа. Шутка плохо кончилась: Тибальт коварно убил остряка. Эта смерть обернулась катастрофой для главных героев трагедии (11).

Эльфийская этимология Тевильдо (от корня TEFÉ – «ненависть») есть в словарях, синхронных «Легенде о Тинувиэль» – Qenya Lexicon и Gnomish Lexicon. Там же можно найти несколько слов со значением «кошка» и даже идиоматическое выражение ‘cuithos hû le mui’ – “a cat and dog life”, близкое к нашей идиоме «жить как кошка с собакой».

Есть кошки и в более поздних произведениях. Где они жили? У Ноба из «Гарцующего Пони» была кошка (LotR1:I ch. 9). Эти животные стали героями двух хоббитчих стихов из «Алой Книги» (о стихах см. ниже). Кошка появляется и в загадке Бильбо: «безногое на одноногом, двуногое на трехногом, четвероногому кое-что досталось», Голлум разгадал загадку целиком, не исключая ее «четвероногую» элемента (The Hobbit, ch. 5). С домашними кошками он мог познакомиться в далекой юности, на берегах Андуина, до ухода в пещеры. И много позже в речи Голлума проскальзывает кот-мышелов (LotR2:IV ch. 1). А вот кошки королевы Берутиэль – старинный гондорский фольклор (судя по интервью Толкина, кошки в Гондоре не были редкими и экзотическими животными (12)). Итак, к концу Третьей Эпохи домашние кошки широко расселились на Западе Средиземья и живут там с давних пор.

Чаще всего они появляются лишь в метафорах и сравнениях, особенно богата кошачья метафора во «Властелине Колец». Кошки обладают острым зрением (LT2 ch.3), острым слухом (LT2 ch.2; The Lay of the Children of Húrin, 875), прекрасно ориентируются в темноте (LotR1:2 ch. 4), глаза у них желтые (LotR1:2 ch. 7) или желто-зеленые (LT2 ch.3). Они ловко карабкаются (LotR3:VI ch. 1; WR:175) и прыгают (WR:197), кусаются и царапаются (LotR2:IV ch. 6), бесшумно подкрадываются во время охоты (LotR2:IV ch. 7), ловят мышей (LotR2:IV ch. 1), кошку нелегко поймать (LotR2:IV ch. 10). Они получают от хозяев еду (The Hobbit, ch. 5; LotR2:IV ch. 9), мурлыкают (The Hobbit, ch. 12) или истошно кричат (The Hobbit, ch. 4). В общем, кошка чаще всего представлена как ловкое и зоркое существо, искусный охотник.

Кого же с ними сравнивают? Компания подобралась разношерстная: Голлум (LotR2:IV ch. 6; WR:175;197) и Шелоб (LotR2:IV ch. 9), Гендальф (LotR1:2 ch. 4) и глаз Саурона (LotR1:2 ch. 7), дракон Смог (The Hobbit, ch. 12), орки (LT2 ch.2; ch. 3; The Lay of the Children of Húrin, 875), эльф Леголас из Гондолина (LT2 ch.3). Но особенно часто Профессор сравнивает с кошками Фродо и Сэма (LotR2:IV ch. 1; ch. 7; ch. 10; LotR3:VI ch. 1). По этому списку сложно делать выводы об отношении к кошкам автора.

Однако есть интересный аспект. В «кошачьих» метафорах «Властелина Колец» зачастую звучит скрытая ирония – точнее, черный юмор. Голлум плакался, что хоббиты на него накинудись «как два кота на бедную мышку» – а сам собиравдсь их сожрать, как кошка мышку (LotR2:IV ch. 1). Хранители крадутся к Минас-Моргулу, «как кошки на охоте»: на деле дичью были они (LotR2:IV ch. 7). Горбаг сравнил Фродо с котенком, а Сэма – с кошкой (LotR2:IV ch. 10). Дело даже не в том, что на эльфийского героя Сэм не тянет. Вся соль в том, что еще час назад «кошки» были мышками, ведь Саурон называл Шелоб своей «кошечкой» – в шутку, бросая подачки в виде пленников (LotR2:IV ch. 9). Повсюду – такой же нехитрый прием, как и в Роверандоме: абсурдная перемена ролей и масштабов.

Однажды заводчица попросила разрешения назвать сиамских котят именами из «Властелина Колец». «Боюсь, для меня сиамские кошки принадлежат к фауне Мордора, – пишет Толкин в издательство «Аллен энд Анвин», – но вы можете этого не говорить заводчице» (Letters, № 219). Это, похоже, опять не совсем всерьез; красноречивая оговорка «боюсь, для меня...» не позволяет уверенно отнести эти слова к Арде. Очевидно, сиамскую породу Профессор не любил. Если бы эта нелюбовь относилась ко всем кошкам без разбора, почему он уточняет: «сиамские»? Как автор относился к остальным, неясно.

И все-таки в Мордоре, судя по обмолвкам Саурона и Горбага, кошки водились. Армиям Мордора не обойтись без запасов зерна, кто-то должен охранять их от грызунов. Коты-мышеловы уже заселили разные страны. Любопытно, что именно с кошкой Саурон сравнил Шелоб – она одна в Мордоре не признала его власть. Реплика Горбага «Котенка ты поймал, а кошку упустил» предполагает, что у орков уже был такой печальный опыт. Одни продукты кошки могли охранять, другие, наверное, следовало охранять от кошек. Комбинация из обеих метафор наводит на мысль, что хозяева Мордора своих кошек плохо контролировали: быть может, сам Враг их приручить не сумел... Разумеется, это только предположения.

Один самых ярких кошачьих образов – это спутницы королевы Берутиэль. Впервые они появляются еще в черновике к «Властелину Колец»: Гендальф во мраке Мории ориентируется еще лучше, чем они (RS:454). В середине 50-х Толкин еще не мог ничего определенного о них сказать (Letters № 163, 174, 180). В черновике полное имя их госпожи звучит как «королева Марголиантэ Берутиэль» (RS:464). Что такое «Марго», Профессор лучше знает, но квенийское слово *liante* в «Этимологиях» означает «паук» (LR:386). А что значит паук в мире Толкина, мы неплохо себе представляем. Скорее всего, образ Берутиэль изначально ассоциировался с чем-то зловещим.

Эта история известна из двух источников: интервью (13) и заметка из «Неоконченных Сказаний» (UT4 ch.3). Заметка издана не полностью, кое-где даже Кристофер не разобрал почерк отца. Потому-то мы и не знаем точно, за что королева была столь сурово наказана. Согласно интервью, Берутиэль была родом из черных нуменорцев и вернулась ко злу (14). В чем заключалось ее падение? Можно предположить, что это была черная магия. Королева читала в памяти кошек и посылала их на задания – способности нетривиальные. Черной магией (*black arts*), по словам Фарамира, занимались многие представители ее народа (LotR2:IV ch. 5). Но

если Берутиэль – ведьма, рассказ о ее кошках полностью вписывается в европейскую традицию, согласно которой фамильярами ведьм были кошки, особенно черные. Этот мотив уже звучал в «Балладе об Аотру и Итрун», скоро и до кота Грималкина доберемся. Интересно, что в обоих текстах, особенно в интервью, кошки представлены скорее жертвами, чем злодеями. Своих рабынь королева истязала и ненавидела.

Заметим однако, что кошки королевы Берутиэль – это фольклорный персонаж. Имя ее было вычеркнуто из Хроники Королей, «но память людей не ограничена книгами». В интервью Толкин признает: «мне доподлинно ничего о ней не известно». Сложно сказать, правдиво ли предание в рамках вторичного мира. В Гондоре бытовали и недостоверные легенды (про великана Тарланга, про духов на службе у королей).

Если оставить кошек за бортом, биография Берутиэль подозрительно напоминает историю Эрендис: обе королевы взошли на престол в одном веке (но в разные эпохи), стали женами королей-корабелов, ненавидели море, перессорились с королями на этой почве, не оставили им сыновей (в первый раз за историю династии), фактически развелись. И обе погибли в море. Академика Фоменко на них нет.

Так значит, не было королевы Берутиэль? Мы не имеем право этого утверждать. Все-таки Арда создана автором, один и тот же мотив может найти отражение в разных частях ее истории, да и законы Арды могут отличаться от наших. Так что мы попадаем в патовую ситуацию. Королева и ее кошки подобны коту Шрёдингера – мы не можем сказать, есть ли они или же их нет.

Да, люди Гондора, судя по легенде, верили в связь кошек с ведовством и ведьмами. Но верил ли Профессор? Или просто обыграл старинные поверья?

Три стихотворения, посвященные кошкам, совсем не похожи на эти мрачные легенды.

Самое раннее опубликовано в 1923 году под заглавием «Кот со скрипкой» (“The Cat and the Fiddle”), это переработка еще более раннего стиха (15). Редакцию 1923 года можно прочитать в шестом томе «Истории Средиземья» (RS:145-147). Новая редакция стихотворения – это «смешная песня» Фродо в «Гарцующем пони» (LotR1:I ch. 9). В версии 1923 года градус безумия несколько выше, чем в тексте «Властелина Колец»: ложка и блюдце не просто танцуют на столе, а флиртуют и обнимаются, корова еще до начала стиха скакала по крышам, с золотыми копытами, как у Нахара... Чем песня кончилась, всем хорошо известно: хоббит нечаянно надел Кольцо. В «Гарцующем пони» воцарился такой же переполох, как и в трактире из песни!

Другое стихотворение называется «Кот» (“The Cat”), Толкин написал его в 1956 году для внучки, дочери среднего сына, Майкла (в этой семье было несколько кошек) (16). Потом оно было издано как хоббитский стишок в «Приключениях Тома Бомбадила». Завораживает рассказ о дикой родне кота – Турлен даже назвал этот стих «одой во славу кошачьих» (“une ode à la gloire des félins”), быть может, чересчур поспешно. Толкин обращает внимание на двойственную природу кошек: в «укротенном» хищнике до сих пор живут неукротимые сородичи. Кот приручен, но помнит о воле. Стихотворение оставляет вопросы без ответа. Что такое – кот? Чего в нем больше – дикого зверя или домашнего любимчика? В какой форме

может проявиться «память о воле» и почему это важно? Знал ли ответ сам Профессор?

Самый маленький и любопытный стишок – это постскрипtum к письму Эми Рональд от 1969 года (Letters, № 309).

J. R. R. Tolkien
had a cat called Grimalkin:
once a familiar of Herr Grimm,
now he spoke the law to him.

Жил был Дж. Р. Р. Толкин,
И кот его Грималкин.
Фамильяр герр Гримма, он
Разъяснял ему закон.

(перевод Светланы Лихачевой)

Кто-то решил, что у Профессора действительно был кот по имени Грималкин. Но это мистификация или, скорее, филологическая шутка.

Совсем на поверхности лежит каламбур: начало «Грималкина» целиком совпадает с «Гриммом», конец – рифмуется с «Толкином». Надо полагать, кот Грималкин объяснял первокурснику-Толкину закон Гримма, то есть первое германское передвижение согласных – это основа германской лингвистики. Но Якоб Гримм не менее известен как исследователь германской фольклорной традиции – здесь же черпал вдохновение Толкин. Надо сказать, и сама Грималкин – персонаж британского фольклора и литературы, она широко известна с XVI века. Да, в традиции это именно кошка, не кот; почему у Толкина она вдруг изменила пол, непонятно. Наверное, Толкин считал, что фамильяр должен быть одного пола с магом. Ведь по традиции кошка Грималкин была фамильяром ведьмы. В этом качестве она появляется в первой сцене шекспировской трагедии «Макбет» (в форме Graymalkin). Фамильяры могли, например, следить за врагами колдуньи.

Но профессор Толкин (как и Якоб Гримм) – это все-таки не королева Берутиэль. Фамильяр Толкина лишь «разъяснял ему закон». Однако выучить закон лингвистики (уже открытый Гриммом!) можно и без волшебных животных. Скорее всего, речь идет не только о языках, но и (шире!) о стремлении проникнуть в мир древних легенд – что роднит автора «Сильмариллиона» с автором «Тевтонской мифологии». Мы полагаем, кот Грималкин посвятил Толкина в тайны нордической традиции.

Ходит слух – не знаю, правда ли это – что Грималкином звали кота (или кошку?) Нострадамуса (17). Знал ли об этом Толкин, не могу сказать.

Наконец, немного биографических данных. Согласно письму (Letters, № 319), в детстве одной из любимых сказок Толкина была «Кошка-мяу» (“Puss Cat Mew”). Ее автор,

Э. Х. Натчбулл-Хьюгессен (E.H. Knatchbull-Hugessen), более известен как либеральный английский политик и парламентарий XIX века. Этот парламентский деятель оказался почти профессиональным сказочником: он издал на досуге четырнадцать книг (быть может, сыграли роль семейные традиции – он был внучатым племянником Джейн Остин). Героя сказки, смертного, попавшего в волшебный лес, выручает из беды Черепаховая Кошка. Она оказывается дочерью королевы фейри, меняет облик и выходит замуж за главного героя (18).

Есть еще одно свидетельство, о поездке в Италию. Толкин пишет о «чудесной трапезе» в «кишащем кошками» саду, кошки лихо дрались друг с другом и кланчили еду (19). Эти драчливые попрошайки, кажется, просто позабавили Толкина.

Кошки как таковые, скорее всего, не были Профессору ненавистны, хотя не играли в его жизни особой роли. Он даже сделал кошатником одного из членов Клуба Мнений (Colombo Arditi), который «коллекционирует книги и кошек» (SD:159). Впрочем, личные симпатии и антипатии не всегда выражаются в творчестве: паук в книгах Толкина – тварь сугубо отрицательная, а в жизни автор не питал к ним отвращения (Letters, №163).

История профессорских кошек темна и непонятна. Это загадочные и забавные персонажи, о которых сложно сказать что-то определенное, хотя казалось бы, фактов довольно много. Я боюсь, поиски глубокого смысла здесь превратились бы в поиски отсутствующей кошки в темном чулане. Но какие-то выводы сделать можно.

Кошки Профессора везде связаны с юмором, загадками, филологическими играми – кажется, за одним исключением («Баллада об Аотру и Итрун»). Это довольно несерьезные создания. Даже часть метафор имеет юмористический оттенок.

Для «демонизации» таких персонажей нам явно не хватает материала. Они связаны не с реальным злом, но скорее с его имитацией: как бы зло, «зло понарошку». Автор ловко обыгрывает всем известные поверья о связях кошек с нечистой силой, но вряд ли сам принимает их всерьез. Такие аллюзии вводят в заблуждение читателя.

Конечно, автор не был поклонником кошачьих. Любопытно, что Толкин, так много написавший о ловкости, остром зрении и охотничьем мастерстве кошек, ни разу их не называет *красивыми*. Один раз даже упоминается об «уродливой голове» (“ugly head”) привратника Тевильдо, что, конечно, не может говорить о неприязни к кошкам как таковым (тот, кто служит Врагу, не может не быть безобразным). Скорее всего, Толкин просто не оценивал кошек с эстетической точки зрения. Может поставить в тупик замечание (из интервью): «они привязываются порой к тем, кто их ненавидит» (20).

Некоторые «кошачьи» сюжеты звучат рефреном – абсурдная перемена ролей и масштабов, колдовские мотивы... и даже музыка с танцами. Кот со скрипкой способен «поднять мертвеца», от игры этого кота даже блюдце с ложкой пускаются в пляс. От игры миссис Толкин кошки пускаются в пляс.

И все-таки толкиновские кошки остаются для нас загадкой. Почти всегда они ловко ускользают из поля зрения – как «виртуальные» персонажи. И даже на рисунках мы видим

только смутные, таинственные силуэты.

Примечания

- (1) Jean-Rodolphe Turlin (alias Isengar), *Des Chats dans l'œuvre de Tolkien*. <http://www.jrrvf.com/essais/chats/chats.html>
- (2) Однако есть полезные комментарии по рисункам и отдельным пассажам. Хочется особо отметить бесценные труды В. Хэммонда и К. Скалл.
- (3) W. G. Hammond, C. Scull. *J. R. R. Tolkien. Artist and Illustrator*. Boston; N.Y., 1995.
- (4) Обложка сборника «Сказки просто так» (“Just so stories”), который был издан в 1902 году.
- (5) Об источниках и датировке рисунков “Beyond” и “Eeriness” – W. G. Hammond, C. Scull. *J. R. R. Tolkien. Artist...* P. 42-44. Возможно, иллюстрации Кипплинга к сборнику “Just so stories” повлияли и на другие рисунки Толкина – C. Scull, W. G. Hammond. *Introduction* // J. R. R. Tolkien. *Roverandom*. / ed. by C. Scull, W. G. Hammond. P. xx.
- (6) О рисунке “High Life at Gipsy Green” – W. G. Hammond, C. Scull. *J. R. R. Tolkien. Artist...* P. 27.
- (7) W. G. Hammond, C. Scull. *J. R. R. Tolkien. Artist...* P.35-37.
- (8) John D. Rateliff. *The History of the Hobbit*. L., 2007. P. 719. Как полагает Ратлифф, еще одна кошка выглядывает из-за занавеса, того же мнения придерживается Турлен. Но Хэммонд и Скалл кошки за занавесом не видят! Надо сказать, «кошки» на толкиновских рисунках суть крошечные фигурки, отчего и появляются вопросы.
- (9) C. Scull, W. G. Hammond. *Introduction* // J. R. R. Tolkien. *Roverandom...* P. xx.
- (10) История хитрого плута, Лиса Рейнарда / Пер. с англ. СПб., 2004. С. 47-53.
- (11) ожество Тевильдо, Тиберта и Тибальта отмечали Д. Гарт (J. Garth. *Tolkien and the Great War*. L., 2003. P. 263), и С. Таскаева (С. Таскаева. Уток и основа волшебного плаща или генезис сюжетно-мотивной структуры Легенды о Бэрэне и Лутиэн. С. 25-26 // Палантир, №47. СПб, 2005. С. 12-27), однако они не обращали внимания на комические мотивы.
- (12) She was one of these people who loathe cats, but cats will jump on them and follow them about – you know how sometimes they pursue people who hate them? ... I'm afraid she took to torturing them for amusement, but she kept some and used them – trained them to go on evil errands by night, to spy on her enemies or terrify them”. Об интервью и королеве Берутиэль см. Приложение.
- (13) W. G. Hammond, C. Scull. *The Lord of the Rings. A Reader's Companion*. L., 2005. P. 284.
- (14) «Berúthiel... went to the bad (or returned to it - she was a black Númenorean in origin, I guess)». Правда, более точным переводом выражения “to go to the bad”, было бы «сбиться с пути истинного, морально разложиться».
- (15) W. G. Hammond, C. Scull. *The J.R.R. Tolkien Companion and Guide. Chronology*. L., 2006. P. 106; 122.
- (16) W. G. Hammond, C. Scull. *The J.R.R. Tolkien Companion and Guide. Chronology...* P. 483
- (17) Информация распространялась по Интернету со ссылкой на книгу: S. Stall. *100 Cats Who Changed Civilization: History's Most Influential Felines*. Philadelphia, 2007. К сожалению, мы могли лишь частично ознакомиться в Google Books с текстом этой книги. Ссылок на источники

там нет...

(18) Издания сказки в сборниках: E.H. Knatchbull-Hugessen. *Stories for My Children*. L., 1869; *Tales Before Tolkien*. N.Y., 2003. Ее текст доступен в Интернете: <http://gutenberg.net.au/ebooks07/0700661h.html>

(19) W. G. Hammond, C. Scull. *The J.R.R. Tolkien Companion and Guide. Chronology...* P. 465.

(20) Толкин повторяет довольно распространенное на Западе мнение. В одной научно-популярной книге всерьез обсуждается вопрос, «почему кошек тянет к тем, кто их ненавидит?» По мнению автора, кошка не любит, когда незнакомые люди глядят на нее в упор — следовательно, она скорее подойдет к человеку, который ее игнорирует (D. Morris. *Catwatching*. L., 1994. P. 42).

Из малоизвестного интервью Толкина Daphne Castell, первая публикация: 'The Realms of Tolkien', *New Worlds* 50 (November 1966).

По изданию: W. G. Hammond, C. Scull. *The Lord of the Rings. A Reader's Companion*. L., 2005. P. 284.

Берутиэль... По правде говоря, я не знаю о ней ничего. ... Она появилась внезапно и явно требовала к себе внимания, но, по правде говоря, мне доподлинно ничего о ней не известно, хотя мне она представляется, как это ни странно, супругой одного из пеларгирских королев-корабелов. Она ненавидела запахи моря, рыбу и чаек. Подобно великанше Скади, которая пришла к богам в Вальхаллу, требуя возмещения за случайную смерть отца. Она хотела выйти замуж. Боги выстроились за завесой, и она выбрала ту пару ног, которая ей больше всего понравилась. Она думала, что выбирает прекрасного бога Бальдра, но, оказалось, это морской бог Ньерд, и после замужества ей опротивела жизнь на побережье, крики чаек не давали ей уснуть, и, в конце концов, она вернулась в Ётунхейм.

И Берутиэль вернулась в город вдали от моря и обратилась ко злу (или возвратилась к нему — мне кажется, она происходила из черных нуменорцев). Она была из тех людей, кто ненавидит кошек, но кошки готовы на них накинуться и следуют за ними повсюду — вы знаете, как они привязываются порой к тем, кто их ненавидит? ... Боюсь, она стала их истязать для собственного удовольствия, но некоторых берегла и использовала в своих целях — приучила по ночам исполнять ее злокозненные поручения, следить за врагами или запугивать их.

Толкин оставил нам очень мало сведений о Лориэне (Лоринанде), в особенности о его Второй Эпохе. И всё же что-то где-то местами есть. Например, мы знаем, что королём лоринандских эльфов был Малгалад, погибший в Дагорладском сражении¹. А ещё – что был такой Амдир², отец Амрота³, короля Лоринанда... и тоже погиб на Дагорладе⁴. Строгий пурист, возможно, предпочёл бы на этом месте один из текстов сразу отбросить :-).

А я лучше предположу, что «Амдир» и «Малгалад» – одно лицо, и в текстах всего лишь фигурируют разные прозвища одного и того же эльфа. Что нам известно об этом Амдире Малгаладе? Его сын Амрот – синда⁵, значит, и отец – тоже. Ко времени Эрегионской войны Амдир уже был королём Лоринанда⁶ и оставался им в конце Второй Эпохи. Всё? Всё, да не всё. Кое-что о короле можно узнать, взглянув на королевство.

Элита Лоринанда в значительной степени состоит из синдар⁵ – значит, Амдир пришёл не один, у него были товарищи. В конце Третьей Эпохи лориэнцы ткут маскировочные «митримские»⁷ плащи (LotR) и строят речные суда в форме лебедей⁸. Откуда они заимствовали кораблестроительную традицию? Первоначальное население Лоринанда – спутники Ленвэ, нандор; среди них не было, да и быть не могло, спутников Новэ (Кирдана)⁹. Вероятно, это – привнесённые умения, и лебедиными ладьями¹⁰ лесные эльфы обязаны либо эрегионскому окружению Галадриэли и Келеборна (с чего бы?), либо... своему королю и его спутникам.

Далее. В описании гибели Амрота говорится, что его волосы издавала сверкала как вспышка золота в лучах встающего Солнца¹¹. Амрот был золотоволосым! На фоне прозвища отца – Малгалад – можно предположить, что и Амдир... тоже? Интересный синда!

Наконец, мы знаем, что даже в Третью Эпоху гавань Эдельлонд, территориально крайне удалённая от Карас Галадон и находящаяся глубоко внутри гондорских земель, оставалась частью лориэнского королевства¹². Вероятно, исторически: к тому моменту последние местные эльфы покидали Среднеземье. Но как изначально получилось, что Лоринанд и Эдельлонд оказались в составе одного государства?

1 Текст печатается в авторской редакции и с сохранением авторского оформления.

Итак, вопросы:

Откуда синдар Амдира принесли в Лоринанд корабельное мастерство?

Откуда у синда Амдира золотые волосы?

Откуда в составе Лоринанда – гавань Эдельлонд?

Из текстов HoME-XII мы узнаём, что Эдельлонд был основан группой эглайн («фалатрим», т.е. эльфов народа Кирдана), на трёх кораблях бежавших из Белерианда – по-видимому, после Битвы Слэз и Падения Гаваней¹³. Позже они могли подняться выше по течению Андуина (впрочем, об этом у JRRT ничего не сказано) и там встретиться с нандор, в свою очередь (и уже доподлинно) мигрировавшими на юг (*зачем??? зимы? орки? Моргот?* – *кажется недостаточным объяснение, что вдруг отдельным приключенцам из числа лесных эльфов вновь захотелось к Морю*). Вероятно, они и стали потом лоринандскими синдар. Неудивительно, что среди них нашлись кораберы! Да и Эдельлонд под властью Амрота перестаёт быть загадкой: его отец, Амдир Малгалад, мог быть одним из лидеров этих фалатримских беженцев.

Что же до волос Малгалада... эглайн были одним из наиболее дружественных⁹ пришельцам синдарских народов и особенно тесно сотрудничали с хитлумскими и нарогардскими (!) нолдор. Малгалад мог быть потомком от смешанного брака синда и нолдэ с ваньярскими корнями¹⁴. Ходят упорные слухи¹⁵, будто JRRT где-то даже упоминал о множестве браков между подданными Финрода и Кирдана.

Теперь все загадки успешно разрешаются, но при этом возникает неожиданный вывод: лориэнские синдар в большинстве своём (т.е. кроме тех синдар, что пришли позже с Келеборном и Галадриэлью и называли себя «нолдор») – это синдар Эгламара, эльфы из народа Кирдана!

И это вполне согласуется с более поздним⁶ описанием этнической истории Лоринанда из «Unfinished tales», «Amroth and Nimrodel»...

В заключение нужно добавить, что JRRT, верный себе, оставил ещё одну версию основания Эдельлонда. Совершенно иную! Кристофер ссылается на неё в своих рассуждениях о рассказе «Amroth and Nimrodel», однако не приводит полного текста¹⁶. Он датирует её декабрём 1972 года, а то и более поздним временем; таким образом, она оказывается, с одной стороны, едва ли не позднейшей записью JRRT по данной теме (впрочем, а какова датировка этого текста^{13?}), а с другой – версией, не имеющей устойчивой истории, не подвергшейся проверке временем и размышлением.

Разумеется, всем желающим вольно считать, что группа озлобленных дориатрим вначале тусовалась вместе с прочими синдар и нолдор в Митлонде, выучившись там морскому делу (данная идея очевидно призвана объяснить уже глубоко укоренившиеся в текстах признаки знакомства лориэнских синдар с кораблестроением), затем двинулась на юг и основала Эдельлонд, расширила свою власть на лесных эльфов, а после с непонятными целями взялась привечать Галадриэль и Келеборна (их влияние на Лоринанд во Вторую Эпоху присутствует во всех вариантах Легендариума). О да, Келеборн сам происходит из Дориата, а Галадриэль долго жила при дворе Элу Тингола! Но их эрегионское окружение – нолдор,

и нолдорскую культуру они несут с собой... Синдаризованную, конечно, но не более, чем в Серых Гаванях, откуда наши гипотетические обиженные дориатрим в своё время ушли...

Мне лично этот искусственный и излишне сложный конструктор совершенно не импонирует.

Творческие люди здесь могут вспомнить о «Gil-Amdir» – имени, под которым Звезда Эарендила фигурирует в некоторых текстах¹⁷ – и связать появление этого имени с фигурой ~~и~~ ~~прозвищем~~ (тогда ещё не короля?) Амдира... но в исследовании оснований для этого нет, скорее наоборот.

Примечания:

¹ **Unfinished Tales**, Part Two: *The Second Age*, IV *The History of Galadriel and Celeborn and of Amroth King of Lórien*, Appendix B, *The Sindarin Princes of the Silvan Elves*:

Despite the desire of the Silvan Elves to meddle as little as might be in the affairs of the Noldor and Sindar, or of any other peoples, Dwarves, Men, or Orcs, Oropher [King of Greenwood the Great, Thranduil's father] had the wisdom to foresee that peace would not return unless Sauron was overcome. He therefore assembled a great army of his now numerous people, and joining with the lesser army of Malgalad of Lórien he led the host of the Silvan Elves to battle. The Silvan Elves were hardy and valiant, but ill-equipped with armour or weapons in comparison with the Eldar of the West; also they were independent, and not disposed to place themselves under the supreme command of Gil-galad. Their losses were thus more grievous than they need have been, even in that terrible war. Malgalad and more than half his following perished in the great battle of the Dagorlad, being cut off from the main host and driven into the Dead Marshes. Oropher was slain in the first assault upon Mordor, rushing forward at the head of his most doughty warriors before Gil-galad had given the signal for the advance. Thranduil his son survived, but when the war ended and Sauron was slain (as it seemed) he led back home barely a third of the army that had marched to war.

Как пишет далее на той же странице Кристофер, «Малгалад Лориэнский нигде больше не упоминается, и здесь не говорится, был ли он отцом Амроту. С другой стороны, об Амдире, отце Амрота, дважды сказано, что погиб в Битве на Дагорладе, поэтому, как представляется, Малгалада можно просто отождествить с Амдиром. Но какое имя стало заменой для другого, я не знаю». Об Амдире я в своей заметке пишу дальше...

² **Unfinished Tales, Part Two: The Second Age, IV The History of Galadriel and Celeborn and of Amroth King of Lórien, Amroth and Nimrodel:**

Amroth was King of Lórien, after his father Amdír was slain in the Battle of Dagorlad [in the year 3434 of the Second Age]. His land had peace for many years after the defeat of Sauron. Though Sindarin in descent he lived after the manner of the Silvan Elves and housed in the tall trees of a great green mound, ever after called Cerin Amroth. This he did because of his love for Nimrodel.

³ Тем самым отвергается более ранняя и куда менее подробная, хуже проработанная версия JRRT об Амроте как сыне Келеборна и Галадриэли, брате Келебриан, которую можно найти выше по тексту «Истории Галадриэли и Келеборна», в отрывке «Concerning Galadriel and Celeborn». Это во многом обесценивает и другие концепции отрывка: мы вправе пользоваться ими, пока не встречаем в текстах иных вариантов изложения событий, но в случае противоречий должны помнить, что имеем дело со «слабым», отброшенным фрагментом Легендариума. Вряд ли сто́ит отказываться от подробного рассказа о ходе Эрегионской войны, ведь он – единственный в своём роде. Но «угрожаемой» оказывается та история синдаризации Лоринанда, что дана в «Concerning Galadriel and Celeborn»:

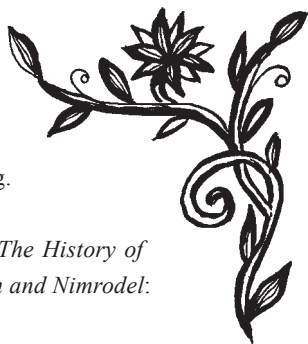
But in the meantime the power of Galadriel and Celeborn had grown, and Galadriel, assisted in this by her friendship with the Dwarves of Moria, had come into contact with the Nandorin realm of Lórinand on the other side of the Misty Mountains. This was peopled by those Elves who forsook the Great Journey of the Eldar from Cuiviënen and settled in the woods of the Vale of Anduin; and it extended into the forests on both sides of the Great River including the region where afterwards was Dol Guldur. These Elves had no princes or rulers, and led their lives free of care while all Morgoth's power was concentrated in the North-west of Middle-earth; «but many Sindar and Noldor came to dwell among them, and their 'Sindarizing under the impact of Beleriandic culture began». It is not made clear when this movement into Lórinand took place; it may be that they came from Eregion by way of Khazad-dûm and under the auspices of Galadriel. Galadriel, striving to counteract the machinations of Sauron, was successful in Lórinand; while in Lindon Gil-galad shut out Sauron's emissaries and even Sauron himself.

На самом деле многое было совершенно иначе. Но об этом далее...

⁴ Помимо процитированного выше, есть ещё краткое объяснение связи между правлением Амрота и присутствием Галадриэли и Келеборна в Лоринанде. Кристофер приводит его в том же «Amroth and Nimrodel»:

Lórien had then long years of peace and obscurity under the rule of its own king Amdír,

until the Downfall of Númenor and the sudden return of Sauron to Middle-earth. Amdir obeyed the summons of Gil-galad and brought as large a force as he could muster to the Last Alliance, but he was slain in the Battle of Dagorlad and most of his company with him. Amroth, his son, became king.

⁵ **Unfinished Tales**, *Part Two: The Second Age, IV The History of Galadriel and Celeborn and of Amroth King of Lórien, Amroth and Nimrodel*:

The people of Lórien were even then [i.e. at the time of the loss of Amroth] much as they were at the end of the Third Age: Silvan Elves in origin, but ruled by princes of Sindarin descent (as was the realm of Thranduil in the northern parts of Mirkwood; though whether Thranduil and Amroth were akin is not now known).

⁶ **Unfinished Tales**, *Part Two: The Second Age, IV The History of Galadriel and Celeborn and of Amroth King of Lórien, Concerning Galadriel and Celeborn*:

In black anger he [Sauron] turned back to battle; and bearing as a banner Celebrimbor's body hung upon a pole, shot through with Orc-arrows, he turned upon the forces of Elrond. Elrond had gathered such a few of the Elves of Eregion as had escaped, but he had no force to withstand the onset. He would indeed have been overwhelmed had not Sauron host been attacked in the rear; for Durin sent out a force of Dwarves from Khazad-dûm, and with them came Elves of Lórinand led by Amroth. Elrond was able to extricate himself, but he was forced away northwards, and it was at that time [in the year 1697, according to the Tale of Years] that he established a refuge and stronghold at Imladris (Rivendell). Sauron withdrew the pursuit of Elrond and turned upon the Dwarves and the Elves of Lórinand, whom he drove back; but the Gates of Moria were shut, and he could not enter.

Это происходило до Битвы на Дагорладе, т.е. Амдир был ещё жив; если войско лоринандских эльфов вёл в бой его сын, логично предположить, что Амдир уже был королём. Здесь можно усомниться, хорошо ли ссылаться на ранний «Concerning Galadriel and Celeborn», в рамках которой сам Амрот, вообще-то, сын Келеборна. Но другого связного изложения событий Эрегионской войны у нас нет, а отрывочные упоминания тех или иных её обстоятельств в других местах вполне согласны с этим отрывком. Мы же не отвергаем всё, сказанное в «Lost Tales» о действиях и словах Феанора на одном лишь том основании, что там Феанор – не сын Финвэ? Кроме того, эпизод с вмешательством Мории и Лоринанда и их нападением на Саурана с тыла, видимо, необходим как единственное возможное условие осуществления событий приоритетной версии «Amroth and Nimrodel»:

The people of Lórien were even then [i.e. at the time of the loss of Amroth] much as they were at the end of the Third Age: Silvan Elves in origin, but ruled by princes of Sindarin descent.... They had however been much mingled with Noldor (of Sindarin speech), who passed through Moria after the destruction of Eregion by Sauron in the year 1697 of the Second Age. At that time Elrond went westward [sic; probably meaning simply that he did not cross Misty Mountains] and established the refuge of Imladris; Celeborn went at first to Lórien and fortified it against any further attempts of Sauron to cross the Anduin. When however Sauron withdrew to Mordor, and was (as reported) wholly concerned with conquests in the East, Celeborn rejoined Galadriel in Lindon. Lórien had then long years of peace and obscurity under the rule of its own king Amdír, until the Downfall of Númenor and the sudden return of Sauron to Middle-earth.

Этот отрывок интересен ещё и тем, что прямо указывает на королевскую власть Амдира в Лоринанде по крайней мере в период после Эрегионской войны; кроме того, он практически исключает возможность считать Келеборна командующим – в каком бы то ни было качестве – лоринандских экспедиционных сил в Эрегионе. Впрочем, Амдир – новый персонаж для «описания войны» из «Concerning Galadriel and Celeborn». В её старой версии лесных эльфов попросту некому было возглавить в этом походе, кроме Амрота; с введением в историю Амдира можно усомниться в личности предводителя.

⁷ **HoME-XI, The War of the Jewels, Part Four: Quendi and Eldar**, Note 11:

Lake Mithrim, meaning originally ‘Lake of the Mithrim’. Mithrim was a name given to them by the southern-dwellers, because of the cooler climate and greyer skies, and the mists of the North. It was probably because the Noldor first came into contact with this northerly branch that they gave in Quenya the name Sindar or Sindeldi ‘Grey-elves’ to all the Telerin inhabitants of the Westlands who spoke the Sindarin language. Though this name was also later held to refer to Elwe’s name Thingol (Sindikollo) ‘Grey-cloak’, since he was acknowledged as high-king of all the land and its peoples. It is said also that the folk of the North were clad much in grey, especially after the return of Morgoth when secrecy became needed; and the Mithrim had an art of weaving a grey cloth that made its wearers almost invisible in shadowy places or in a stony land. This art was later used even in the southern lands as the dangers of the War increased.

Не я первый заметил, что отсюда берёт начало искусство пошива т.н. «лориэнских плащей» – вспомнить хотя бы статью Арторона «Эстетика цвета в одеждах Эльдар» («Палантир» № 51). Возможно, описание древних, ещё относительно примитивных, «митримских плащей» глазами наблюдателя содержится в **Unfinished Tales, Part One: The First Age, Of Tuor and His Coming to Gondolin**:

But even as the light of the coming sun shone pale in the far mists of Mithrim, Tuor heard voices, and looking down he saw in amazement two Elves that waded in the shallow water; and as they climbed up steps hewn in the bank, Tuor stood up and called to them. At once they drew their bright swords and sprang towards him. Then he saw that they were grey-cloaked but mail-clad under; and he marvelled, for they were fairer and more fell to look upon, because of the light of their eyes, than any of the Elven-folk that he yet had known.

Что любопытно, здесь в эти плащи одеты двое нолдор, «огненноглазых», т.е. пришедших из Валинора – но в данный момент состоящих на службе у Кирдана.

⁸ **The Lord of the Rings, Book II, Chapter 8, Farewell to Lórien:**

They turned a sharp bend in the river, and there, sailing proudly down the stream toward them, they saw a swan of great size. The water rippled on either side of the white breast beneath its curving neck. Its beak shone like burnished gold, and its eyes glinted like jet set in yellow stones; its huge white wings were half lifted. A music came down the river as it drew nearer; and suddenly they perceived that it was a ship, wrought and carved with elven-skill in the likeness of a bird. Two elves clad in white steered it with black paddles. In the midst of the vessel sat Celeborn, and behind him stood Galadriel, tall and white; a circlet of golden flowers was in her hair, and in her hand she held a harp, and she sang. Sad and sweet was the sound of her voice in the cool clear air...

⁹ Поскольку «спутники Кирдана», более прочих эльфов Великого Похода сведущие в строительстве плотов, лодок и других судов, были особенно устремлены к Морю. Вот что говорится в **HoME-XI, The War of the Jewels, Part Four: Quendi and Eldar, Sindarin:**

Eglan, pl. Eglain, Egladrim. This name, 'the Forsaken', was, as has been said, given by the Sindar to themselves. But it was not in Beleriand a name for all the Elves who remained there, as were the related names, Hekeldi, Hecelloi, in Aman. It applied only to those who wished to depart, and waited long in vain for the return of Ulmo, taking up their abode on or near the coasts. There they became skilled in the building and management of ships. Cirdan was their lord. Cirdan's folk were made up both of numbers of the following of Olwe, who straying or lingering came to the shores too late, and also of many of the following of Elwe, who abandoned the search for him and did not wish to be separated for ever from their kin and friends. This folk remained in the desire of Aman for long years, and they were among the most friendly to the Exiles. They continued to call themselves the Eglain, and the regions where they dwelt Eglamar and Eglador. The latter name fell

out of general use. It had originally been applied to all western Beleriand between Mount Taras and the Bay of Balar, its eastern boundary being roughly along the River Narog. Eglamar, however, remained the name of the 'Home of the Eglain': the sea-board from Cape Andras to the headland of Bar-in-Myl ('Home of the Gulls'), which included the ship-havens of Cirdan at Brithonbar and at the head of the firth of Eglarest. The Eglain became a people somewhat apart from the inland Elves, and at the time of the coming of the Exiles their language was in many ways different. But they acknowledged the high-kingship of Thingol, and Cirdan never took the title of king.

¹⁰ Об эльфийской кораблестроительной традиции и использовании в ней образа лебеда можно почитать в **HoME-XII, The Peoples of Middle-Earth, Part Two, Late Writings, XIII. Last Writings. Of Glorfindel, Cirdan and other matters, Cirdan, Note 29:**

Before ever they came to Beleriand the Teleri had developed a craft of boat-making; first as rafts, and soon as light boats with paddles made in imitation of the water-birds upon the lakes near their first homes, and later on the Great Journey in crossing rivers, or especially during their long tarrying on the shores of the 'Sea of Rhun', where their ships became larger and stronger. But in all this work Cirdan had ever been the foremost and most inventive and skilful.

¹¹ **Unfinished Tales, Part Two: The Second Age, IV The History of Galadriel and Celeborn and of Amroth King of Lórien, Amroth and Nimrodel:**

The mariners with their Elvish sight for a long time could see him [Amroth] battling with the waves, until the rising sun gleamed through the clouds and far off lit his bright hair like a spark of gold. No eyes of Elves or Men ever saw him again in Middle-earth.

¹² **Unfinished Tales, Part Two: The Second Age, IV The History of Galadriel and Celeborn and of Amroth King of Lórien, Amroth and Nimrodel:**

Then he told her of the haven in the south, where many of his own people had come long ago. «They are now diminished, for most have set sail into the West; but the remnant of them still build ships and offer passage to any of their kin that come to them, weary of Middle-earth. It is said that the grace that the Valar gave to us to pass over the Sea is granted also now to any of those who made the Great Journey, even if they did not come in ages past to the shores and have not yet beheld the Blessed Land».

Леголас называет это поселение «гаванью Амрота» – **The Lord of the Rings, Book V, Chapter 9, The Last Debate:** «It is long since the people of Nimrodel left the woodlands of Lórien, and yet still one may see that not all sailed from Amroth's haven west over water».

Он же упоминает ранее о связи между гаванью и народом Лориэна – **The Lord of the Rings, Book II, Chapter 6, Lothlórien:**

And when the wind is in the South the voice of Amroth comes up from the sea; for Nimrodel flows into Silverlode, that Elves call Celebrant, and Celebrant into Anduin the Great, and Anduin flows into the Bay of Belfalas whence the Elves of Lórien set sail. But neither Nimrodel nor Amroth ever came back.

¹³ **HoME-XII, The Peoples of Middle-Earth, Part Two, Late Writings, X. Of Dwarves and Men:**

In the days of the earlier settlements of Numenor there were many Men of different kinds in Eriador and Rhovanion; but for the most part they dwelt far from the coasts. The regions of Forlindon and Harlindon were inhabited by Elves and were the chief part of Gil-galad's kingdom, which extended, north of the Gulf of Lune, to include the lands east of the Blue Mountains and west of the River Lune as far as the inflow of the Little Lune. (Beyond that was Dwarf territory). South of the Lune it had no clear bounds, but the Tower Hills (as they were later called) were maintained as an outpost. The Minhiriath and the western half of Enedhwaith between the Greyflood and the Isen were still covered with dense forest. The shores of the Bay of Belfalas were still mainly desolate, except for a haven and small settlement of Elves at the mouth of the confluence of Morthond and Ringló⁶⁷. But it was long before the Numenorean settlers about the Mouths of Anduin ventured north of their great haven at Pelargir and made contact with Men who dwelt in the valleys on either side of the White Mountains.

67. This according to the traditions of Dol Amroth had been established by seafaring Sindar from the west havens of Beleriand who fled in three small ships when the power of Morgoth overwhelmed the Eldar and the Atani; but it was later increased by adventurers of the Silvan Elves seeking for the Sea who came down the Anduin. The Silvan Elves were Middle Elves according to the Numenorean classification, though unknown to the Atani until later days: for they were like the Sindar Teleri, but were laggards in the hindmost companies who had never crossed the Misty Mountains and established small realms on either side of the Vales of Anduin. (Of these Lórien and the realm of Thranduill in Mirkwood were survivors in the Third Age). But they were never wholly free of an unquiet and a yearning for the Sea which at times drove some of them to wander from their homes.

¹⁴ Может быть высказано предположение, что золотоволосый полукровка не обязательно рождён в браке мужчины из числа синдар и женщины из нолдор, но – с тем же успехом – мужчины-нолдо и женщины-синдэ. Однако, учитывая белериандские обычаи и известные прецеденты, естественно ожидать, что такой полукровка будет

воспитан в народе своего отца, т.е. среди нолдор. Если мы не считаем Амдира Малгалада нарогардским нолдо, случайно затесавшимся в команду эгламарского корабля, с обратной гендерной версией придётся расстаться. “Альтернативы нет”.

¹⁵«Энциклопедия Арды-на-Куличках», статья «Фалатрим (Falathrim)». Составители: Туилиндо, Талиорне. <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/encicil/falathrim.html>

¹⁶**Unfinished Tales, Part Two: The Second Age, IV The History of Galadriel and Celeborn and of Amroth King of Lórien, Amroth and Nimrodel:**

But a quite different account, making the establishment of the Elvish haven later, is given in an unfinished scrap of the origin of the name Belfalas. It is said here that while the element Bel-, is certainly derived from a pre-Númenórean name, its source was in fact Sindarin. The note peters out before any further information is given about Bel-, but the reason given for its Sindarin origin is that **«there was one small but important element in Gondor of quite exceptional kind: an Eldarin settlement»**. After the breaking of Thangorodrim the Elves of Beleriand, if they did not take ship over the Great Sea or remain in Lindon, wandered east over the Blue Mountains into Eriador; but there appears nonetheless to have been a group of Sindar who in the beginning of the Second Age went south. They were a remnant of the people of Doriath who harboured still their grudge against the Noldor; and having remained a while at the Grey Havens, where they teamed the craft of shipbuilding, **«they went in the course of years seeking a place for lives of their own, and at last they settled at the mouth of the Morthond. There was already a primitive harbour there of fisherfolk, but these in fear of the Eldar fled into the mountains»**.

Жирным шрифтом здесь выделен текст JRRT; всё остальное – текст Кристофера. Найти полную версию текста JRRT с этим рассказом мне пока не удалось.

¹⁷ **HoME-XI, The War of the Jewels, Part Two, The Later Quenta Silmarillion, The Last Chapters:**

\$13. ‘they took it for a sign of hope’ > ‘they took it for a sign, and they called it Gil-Orrain, the Star of high hope’, with Gil-Orrain subsequently changed to Gil-Amdir (see X.320). The typescript had the revised reading, with Gil-Orrain, which my father emended to Gil-Estel; on the carbon copy he wrote Orestel above Orrain.

<http://www.elendilion.pl/2009/04/14/tolkien-i-jego-muzyka/>

Перевод Екатерины Пережогойной

Статья написана на основе книги: Ch. Scull & W. G. Hammond The J.R.R. Companion and Guide. Reader's Guide. Я пользовался также «Письмами Толкина» в переводе Агнешки Сильванович [Русский перевод приводится по: Толкин Дж.Р.Р. Письма/ Пер. С. Лихачевой под редакцией А. Хромовой и С. Таскаевой. — М.: Эксмо, 2004].

16 августа 1964 г. Толкин писал Кэри Блайтону, который попросил его согласия на сочинение некой *Hobbit Overture* ('Хоббитской увертюры'):

«В музыке я разбираюсь слабо. Хотя происхожу я из очень музыкальной семьи, в силу недостатков образования и отсутствия возможностей — ведь я рос сиротой — та музыкальность, что была во мне заложена, оказалась вытесненной на задний план (до тех пор, пока я не женился на пианистке) или нашли выражение в языке. Музыка доставляет мне огромное удовольствие и порою вдохновляет, однако я остаюсь в положении человека — с поправкой на ситуацию, — который любит читать или слушать стихи, но почти ничего не знает о стихосложении, о традиции или о структуре языка»

(I have little musical knowledge. Though I come of a musical family, owing to defects of education and opportunity as an orphan, such music as was in me was submerged (until I married a musician), or transformed into linguistic terms. Music gives me great pleasure and sometimes inspiration, but I remain in the position in reverse of one who likes to read or hear poetry but knows little of its technique or tradition, or of linguistic structure) (1).

Хамфри Карпентер отмечает в «Биографии», что мать Толкина «пыталась приохотить его к игре на фортепьяно, но безуспешно. Казалось, слова заменяют ему музыку, и он получает удовольствие, слушая их, читая их и повторяя их вслух, почти не обращая внимания на смысл» (2). По всей видимости, Толкин также безуспешно учился играть на скрипке. В письме Роберту Мюррею, учившемуся играть на виолончели, Профессор написал:

«Любой, кто умеет играть на струнном инструменте, кажется мне магом, достойным глубочайшего почтения. Я обожаю музыку, вот только способностей к ней у меня нет; усилия,

затраченные на попытки обучить меня скрипке в годы юности, оставили во мне лишь чувство благоговения, каковое я испытываю в присутствии скрипачей».

(Anyone who can play a stringed instrument seems to me a wizard worthy of deep respect. I love music, but have no aptitude for it; and the efforts spent on trying to teach me the fiddle in youth, have left me only with a feeling of awe in the presence of fiddlers).

В следующей фразе Толкин пишет – что будет интересно нам, славянам: «Славянские языки для меня проходят едва ли не по той же категории» (Slavonic languages are for me almost in the same category) (3)

Присцилла Толкин говорила:

«Любовь к музыке была (...) у моих родителей глубокой, но мне кажется, из-за того, что жизнь отца была переполнена работой, эта любовь (...) была в нем заглушена другими интересами. Вероятно, никто, как бы он ни был талантлив, не может полностью отдаться двум видам искусства, а мой отец, разумеется, был наиболее активен в литературе, графике и живописи. В старости он с сожалением говорил, что в детстве не смог брать уроки игры на скрипке. Его опекун, непонятно почему, забрал инструмент, представлявший собой большую ценность, и занятия прекратились. Поэтому могущество и красота музыки [в его произведениях] – это, может быть (...), отголосок несбывшихся желаний моего отца» (4).

Толкин был слушателем по крайней мере нескольких концертов во время учебы в школе Короля Эдуарда в Бирмингеме, хотя прямых доказательств этого не имеется. Быть может, юный Рональд также составлял своему другу Кристоферу Уайзмэну компанию на публичных концертах. Уайзмэн вспоминал, что ходил на музыкальные представления в Бирмингемскую ратушу в те дни, когда там играл городской оркестр под управлением таких дирижеров, как Ханс Рихтер или Артур Никиш.

В начале 1908 г. Толкин и его брат переселились в комнату, которую сдавала миссис Фолкнер. Ее жилицей была также Эдит Брэтт, будущая жена Профессора, способная пианистка, которая провела несколько лет в школе Дрезден-Хауз в Ившеме, специализировавшейся на подготовке музыкантов. Миссис Фолкнер устраивала музыкальные вечера, во время которых Эдит играла на рояле, аккомпанируя солистам. Сама Эдит тоже пела, а из одного эпизода в жизни Рональда и Эдит, в лесу Рус (графство Йорк), когда она танцевала и пела, родился сюжет, ставший центральным сказанием «Сильмариллиона» (речь идет о «Повести о Берене и Люттиэн»).

В Эксетер-колледже Оксфордского университета концерты и другие музыкальные события составляли важную часть жизни студентов. Толкин часто принимал в них участие, а на программках собирал автографы музыкантов. Во время т.н. Michaelmas Term (семестр св. Михаила – т.е. осенний) проходило празднество под названием *Freshman's Wine* («Вино Новичка») – приветствовали новых студентов. В программу этого мероприятия входили песни (обычно легкие и популярные), игра на рояле и декламация. Более высокий уровень представляли так называемые *Smoking Concerts* [букв. «концерты с куревом» - первоначально концерты, на которые допускались только мужчины, затем – концерты студенческой художественной самодеятельности в Оксфорде] с участием оркестра и хора колледжа – на таких концертах

можно было также услышать и приглашенных солистов. При этом музыка обычно представляла собой смесь популярных классических мелодий (таких, как увертюра Бизе к опере «Кармен»), фрагментов ораторий и популярных или народных песен.

Эдит играла дома до тех пор, пока ее пальцы не утратили способность нажимать клавиши – от старости. Тогда она подарила пианино своей дочери Присцилле. В 1918 г. на листке с миниатюрными рисунками Толкина, которые автор назвал *High Life at Gipsy Green* (5) появилось изображение Эдит, играющей на пианино.

Присцилла Толкин хранит альбомы с переписанными рукой Эдит нотами, «отражающими ее вкус – от классической музыки до более легких баллад ее времени» (6). Сам Толкин тоже знал популярные песни и мелодии достаточно хорошо, чтобы предлагать существующие мелодии к своим стихам, написанным для нужд «Клуба викингов» в Лидском университете – он записывал их на машинописном оригинале или на своих экземплярах сборника «Песни для филологов» (*Songs for the Philologists*) (1936).

Толкин, по крайней мере один раз, в 1930-х годах был на оперном спектакле в Ковент-Гарден. Он тогда пошел с К.С. Льюисом на оперу Вагнера «Кольцо Нибелунга». Присцилла Толкин считает, что речь идет, скорее всего, об опере «Зигфрид».

В 1955 г., в время поездки в Италию, Профессор с дочерью пошли в Венеции на оперу под открытым небом – на «Риголетто» Верди. Он раньше не видел этой оперы, поэтому купил себе либретто и читал его в антрактах. В дневнике он записал, что у произведения была «хорошая и драматичная фабула, хотя в изложении Пьяве и с музыкой Верди действие тянулось часами» – при этом он не обвинял выступавших актеров. Особое впечатление на него произвел тенор, певший партию Герцога. Он написал:

«Никогда прежде я не имела счастья видеть в опере молодого певца, который одновременно был бы элегантен, красив и игрив, отлично одет, играл бы так превосходно и в то же время великолепно пел. Он вскружил головы нам обоим [*Присцилле и Профессору*] не хуже, чем Джильде и Маддалене [*героиням оперы*], хотя мы отлично знали, что он негодяй. Сцена, когда издали слышится его голос, повторяющий *La donna e mobile*, в то время как Риголетто упивается своим торжеством над завернутым в плащ телом – якобы

Уолтер Уиддон в роли Зигфрида
Ковент-Гарден, 1935 г.

трупом герцога Мантуанского, – заставляет (по крайней мере, заставила в тот момент) содрогнуться. Для человека, не являющегося знатоком драмы или оперы, произнести такие слова – это уже очень много» (7).

Присцилла Толкин писала, что ее отец «до того момента редко имел случай наслаждаться оперой. Этот спектакль (...) был для него открытием» (8).

В 1968 г. в телепередаче Би-Би-Си под названием *Tolkien in Oxford* («Толкин в Оксфорде») Профессор рассказал, что всегда получал особенное удовольствие от музыки Карла Марии фон Вебера (1786–1826, композитор эпохи раннего романтизма, живший в Силезии). Вебер известен как один из первых сочинителей романтических опер; наиболее знаменитые его произведения – «Вольный стрелок» (*Der Freischütz*) и «Оберон» (*Oberon*) с элементами сверхъестественного.

В 1960 г., когда один композитор просил у Толкина разрешения сочинить оперетту на сюжет «Хоббита», Толкин написал Райнеру Анвину: «Не следует отказывать, пока я не услышу первых результатов. Но, разумеется, я питаю предубеждение по отношению к опереттам вообще (особенно в противопоставлении опере), и в особенности к использованию «Хоббита» в таких целях. Я предпочитаю сам подурчиться со своими песенками» (9)

Толкин по большей части не любил современную музыку. В письме к сыну Кристоферу от 31 июля 1944 г. Профессор предсказывал, что «музыка уступит место джазу: насколько я понимаю, это означает устраивать «джам-сешн» вокруг пианино (инструмента, изначально предназначенного к тому, чтобы производить звуки, созданные, скажем, Шопеном) и лупить по клавишам так, чтобы оно сломалось. Говорят, в США это изысканное, интеллектуальное развлечение вызывает «фурор»...» (music will give place to jiving: which as far as I can make out means holding a “jam session” round a piano (an instrument properly intended to produce the sounds devised by, say, Chopin) and hitting it so hard that it breaks. This delicately cultured “amusement” is said to be a ‘fever’ in the U.S.A.). (10).

30 января 1945 г. он ответил на письмо Кристофера, содержавшее жалобы на определенные стороны его жизни в Королевских BBC в Южной Африке: «Я жадно читаю обо всех подробностях твоей жизни — обо всем, что ты видишь и делаешь, — и обо всем, что тебе приходится терпеть, в том числе про джаз и буги-вуги. Это все ты от сердца оторвешь без труда (ибо по сути своей они вульгарны, музыка, искаженная механизмом, эхом отдающаяся в унылых, пустых головах)»

(I read eagerly all details of your life, and the things you see and do – and suffer, Jive and Boogie-Woogie among them. You will have no heart-tug at losing that (for it is essentially vulgar, music corrupted by the mechanism, echoing in dreary unnourished heads)) (11)

В 1964 г. Толкин жаловался в письме Кристоферу Бредертону, что район Сэндфилд Роуд, где находился его дом, стал очень шумным: «В довершение удовольствия в трех домах от нас живет один из участников группы юнцов, по всей видимости вознамерившихся уподобиться «Битл» (sic!) В те дни, когда в порядке очередности репетируют у него, шум стоит неопиcуемый...» (16 июля 1964 года)

(In a house three doors away dwells a member of a group of young men who are evidently aiming to turn themselves into a Beatle Group. On days when it falls to his turn to have a practice session the noise is undescrivable) (12)

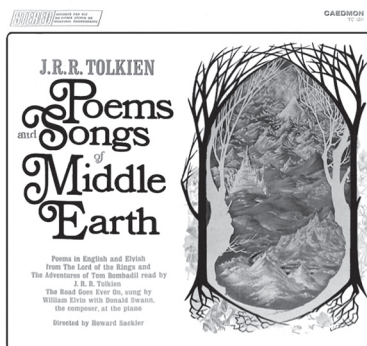
В конце 1968 г. прошел слух, что «Битлз» могут быть приглашены к участию в предполагавшейся экранизации «Властелина колец». 7 января 1969 г. Джой Хилл, посетив Толкина, написала записку Райнеру Анвину:

«Профессор, слыша об этом, приходит все в большую ярость (...) кажется, итлз говорили о своих планах в связи с фильмом (...). Он взбешен тем, что «Битлз» это сделали, и тем более ненавидит их (...). Особенно много претензий у него к Джону Леннону» (13).

Однако Толкину нравилось большинство музыкальных композиций на его стихи, автором которых был известный сочинитель мюзиклов – Дональд Суонн. Суонн посетил Толкина в Оксфорде 30 мая 1965 г., чтобы представить эти композиции Профессору. Во вступлении к книге «Бежит дорога все вперед: Цикл песен» (*The Road Goes Ever On: A Song Cycle*) (1967) композитор описал реакцию Толкина:

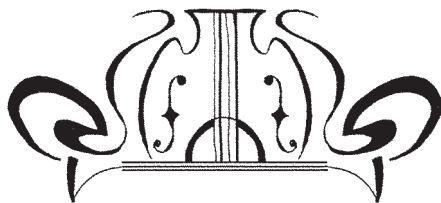
«Прослушав шесть песен, Профессор Толкин одобрил их, но его передернуло от моей мелодии к *Namárië*. В его голове к этому произведению звучала совсем другая музыка – он стал напевать какой-то грегорианский хорал. Я записал его и на следующей неделе раз за разом играл его с эльфийским текстом. Не было сомнений, что эта музыкальная линия, происходящая из древней музыкальной традиции, идеально подходила к тексту – в особенности превосходно выражала скорбь заглавного *Namárië* и восклицания *Ai!* В мой концерт это вносило приятное разнообразие – рояль ненадолго перестает играть, и потом возвращается на следующей песне. Поэтому я добавил только вступление, интерлюдия и коду».

Толкин и его жена Эдит пришли в восторг, когда Дональд Суонн и баритон Уильям Элвин выступили в исполнении этого песенного цикла в Мертон-колледже 23 марта 1966 г. – в год золотой свадьбы супругов.

Примечания

- (1) *The Letters of J.R.R. Tolkien*. - HarperCollins, 1995 - P. 350
- (2) Карпентер Х.. Джон Р.Р. Толкин. Биография. - М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
- (3) *The Letters* ..., p. 173
- (4) Речь Присциллы Толкин, произнесенная в конференц-центре Черч-хауз в Вестминстере 16 сентября 1977 г. - *Amon Hen*, № 29 (ноябрь 1977), с. 5
- (5) Hammond W. G. & Scull Ch. *Tolkien: Artist and Illustrator*. - Boston; N.Y., 1995 (рис. 23)
- (6) Tolkien J. & P. *The Tolkien Family Album*. - Houghton Mifflin, 1992. - С. 30
- (7) Tolkien Papers, Bodleian Library, Oxford
- (8) *A Tribute to J.R.R. Tolkien: 3 January 1892-2 September 1973: centenary* / Ed. by R. Gray. - UNISA Medieval Association, 1992, с. viii
- (9) Tolkien-George Allen & Unwin archive, HarperCollins, 9 сентября 1960
- (10) *The Letters* ..., p. 89
- (11) *The Letters* ..., p. 111
- (12) *The Letters* ..., p. 345
- (13) Tolkien-George Allen & Unwin archive, HarperCollins

THE HOBBIT

В Новой Зеландии наконец-то начались съемки “Хоббита”. Поздравляем с этим всех любителей Толкина!
Вы можете узнать больше на странице фильма в КиноПоиске: <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/278522/>
в блоге Питера Джексона: <http://www.facebook.com/PeterJacksonNZ>
или в блоге фильма: <http://www.facebook.com/TheHobbitMovie>

**LEITHIAN'S ESCAPE
FROM THE HOUSE
IN HIRILORN**

IT IS TOLD IN THE LAY OF LEITHIAN HOW SHE ESCAPED FROM THE HOUSE IN HIRILORN; FOR SHE PUT FORTH HER ARTS OF ENCHANTMENT, AND CAUSED HER HAIR TO GROW TO GREAT LENGTH, AND OF IT SHE WOVE A DARK ROBE THAT WRAPPED HER BEAUTY LIKE A SHADOW, AND IT WAS LADEN WITH A SPELL OF SLEEP. OF THE STRANDS THAT REMAINED SHE TWINED A ROPE, AND SHE LET IT DOWN FROM HER WINDOW; AND AS THE END SWAYED ABOVE THE GUARDS THAT SAT BENEATH THE HOUSE THEY FELL INTO A DEEP SLUMBER. THEN LUTHIEN CLIMBED FROM HER PRISON, AND SHROUDED IN HER SHADOWY CLOAK SHE ESCAPED FROM ALL EYES, AND VANISHED OUT OF DORIATH.